

ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ

№ 4

АПРЕЛЬ

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

МОСКВА 1949

СОДЕРЖАНИЕ

Официальная часть

Пасхальное послание Святейшего Патриарха Алексия	3
--	---

Церковная жизнь

День Ангела Святейшего Патриарха Алексия в Иерусалиме	5
Хроника	7

Речи, проповеди

Митрополит Николай — Слово Божие.	8
---	---

Статьи

Георгий Александров — Светозарное Утро.	12
А. Крашенинников — Апостольский подвиг Святителя Стефана Пермского	15
В. Никонов — Русская Православная Церковь и Рим.	23
Проф. И. Н. Шабатин — Русско-сербские церковные отношения. („Очерки из истории русско-балканской дружбы во Христе“).	34
Архиепископ Гермоген — Восточная церковная политика римских пап — Бенедикта XV, Пия XI и Пия XII.	48

Из жизни наших епархий

Из Виленской епархии	53
Из Красноярской епархии	54
Из Кишиневско-Молдавской епархии	54
Правила приема в Московскую Духовную Семинарию	56
Правила приема в Московскую Духовную Академию	на 2 полосе обложки.

Издатель:	Редактор:
МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ	РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ

По всем редакционным делам обращаться к ответственному секретарю редакции «Журнала Московской Патриархии» протоиерею А. П. Смирнову — Москва, 48, Б. Пироговская, 2 (быв. Новодевичий монастырь).
Редакция «Журнала Московской Патриархии».

О Т Р Е Д А К Ц И И

Во время печатания настоящего номера в Редакцию поступило предложение Святейшего Патриарха Алексия опубликовать в нашем Журнале нижеследующее:

КОРРЕСПОНДЕНТУ АНГЛИЙСКОГО ТЕЛЕГРАФНОГО АГЕНТСТВА «РЕЙТЕР» В МОСКВЕ г. ДОНАЛЬДУ ДАЛЛАС

На письмо Ваше от 21-го июля с. г., в котором Вы, «в связи с сообщением из Стамбула о решении экуменического Патриарха Афинагора издать приказ об отлучении от Православной Церкви всех, поддерживающих коммунизм», просите ответить на вытекающие из этого обстоятельства вопросы, — я считаю необходимым дать следующие ответы:

1-й в о п р о с. Были ли Вы поставлены в известность об этом решении экуменического Патриарха издать такой приказ?

2-й в о п р о с. Каково будет отношение Русской Православной Церкви к изданию такого приказа?

О т в е т. О решении Вселенского Патриарха издать приказ об отлучении от Православной Церкви всех лиц, поддерживающих коммунизм, мне и Синоду Русской Православной Церкви ничего неизвестно. Мало того, мы и Синод не допускаем мысли, чтобы со стороны Православного Патриарха могло исходить такое решение, которое будет в корне противоречить основным началам Православной христианской веры.

3-й в о п р о с. Имеется ли, по Вашему мнению, конфликт между лояльностью по отношению к Советскому Государству и лояльностью по отношению к Русской Православной Церкви?

О т в е т. На этот вопрос может быть только один ответ: такого конфликта не только не существует, но и не может существовать, если верующий народ будет держаться точного смысла заповедей евангельских и заветов Апостольских.

АЛЕКСИЙ, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ.

1949 г. августа 1.

Москва.

ПАСХАЛЬНОЕ ПРИВЕТСТВИЕ
ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ
АЛЕКСИЯ

ПРЕОСВЯЩЕННЫМ АРХИПАСТЫРЯМ, ПАСТЫРЯМ, ЧЕСТНОМУ ИНОЧЕСТВУ
И ВСЕЙ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ О ГОСПОДЕ ПАСТВЕ В ОТЕЧЕСТВЕ НАШЕМ
И ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЕГО

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

"Сей день, сгоже сотвори Господь,
позрадуемся и возвеселимся в оный"
(Пс. 117, 24).

В сей нареченный и святой день приветствую вас, возлюбленные о Христе архипастыри, пастыри, клир церковный, честное иночество, и всю нашу православную паству со светоносным Воскресением Христовым, источником непреходящей радости нашей.

Воистину ныне «вся исполнишася света, небо и земля и преисподняя». И весь мир радуется, ибо Христова ради воскресения «жизнь жительствоует», и в ней заключается верный залог вечной жизни и вечной радости.

Нашему гордому, но вместе и ограниченному уму, воскресение Христово может казаться только символом, а не действительностью, но христиане, но Церковь Христова веруют в действительное, а не в призрачное воскресение Христа с Его пречистою плотью, и провозглашает эту веру во множестве молитв и песнопений церковных. В этом — глубочайший смысл нашего христианского православного исповедания. Без воскресения Христова все в духовном мире погрузилось бы в непроницаемый мрак и царила бы смерть, которая все уравнивает и которая не знает различия добра и зла, ибо ей чуждо понятие о жизни, о радости, об истине, добре и справедливости.

Слава и благодарение воскресшему Христу Богу нашему, что Он Свое спасительное для нас воскресение явил нам очевидным образом и дал ему достоверных свидетелей.

В самый день Своего воскресения Он предстал Марии Магдалине и другим женам мироносицам; явился Петру Апостолу, затем двум ученикам на пути в Еммаус; наконец, явился десяти Апостолам; потом через восемь дней явился всем Апостолам для уверения Фомы о Своем воскресении; потом явился собранию более пятисот братьев; потом Иакову, еще семи Апостолам на море Тивериадском; еще всем Апостолам, чтобы соделать их свидетелями Своего славного вознесения на небо, и, наконец, из отверстого неба явился гонителю Своих учеников Савлу, дабы обратить его в Апостола Павла.

Какое еще нужно доказательство веры в воскресение Христа, когда мы видим, что все Апостолы страждут и умирают за проповедь о воскресении Христовом и что среди самых страданий своих и смертных мучений не перестают проповедывать Христа воскресшего?

Слава воскресшему Христу Богу нашему, утвердившему Своим воскресением Свою веру и Свою Церковь!

Братие, исповедники и проповедники веры в Воскресение Христово! Подумайте, каково должно быть празднование наше. Оно должно быть подобно празднованию Ангелов, которые воскресение Спасово «поют на небесах»; оно должно быть достойно общения с небесною Церковью, должно быть достойно рая и неба.

Христе Спасе, славимый на небеси Апостолами и праведными душами, «и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славить». В дни Святой Пасхи, когда не только на земле видим отверстыми «царские врата» святилища, но когда двери и небесного Чертога отверсты Христом воскресшим, проникнем туда молитвенным взором и усугубим молитвы наши ко Господу, даровавшему мир Отечеству нашему, о ниспослании и всем народам вселенной благословенного мира, которого так жаждут народы и который пытаются нарушить «ненавидящие мира».

«Приидите, возрадуемся Господеви, воскликнем Богу Спасителю нашему» (Пс. 94, 1), и в этой радости да празднуем нашу Пасху, ибо Воистину Христос Воскресе! Аминь.

Пасха Христова
1949 год

АЛЕКСИЙ, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ

ДЕНЬ АНГЕЛА СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ В ИЕРУСАЛИМЕ

В этом году впервые Русская Православная Духовная Миссия в Палестине торжественно праздновала день Святителя Алексия, Митрополита Московского, чье имя носит Святейший Патриарх Алексий.

Несмотря на то, что военные действия между арабами и евреями еще не закончены и что храмы и здания Миссии находятся всего в двух стах метрах от враждующей стороны, богослужения, состоявшиеся 24 и 25 февраля, собрали в храм большинство русских людей, проживающих в Иерусалиме.

Плохая погода с проливными дождями и холодным ветром не дала возможности совершать службу в главном Свято-Троицком соборе Миссии, в котором от разрывов мин и снарядов повывлетали стекла. Богослужение совершалось во внутренней домовой церкви во имя св. мученицы царицы Александры, где за два месяца, прошедшие со времени прибытия в Иерусалим нашей Миссии, все же удалось произвести, хотя и под угрозой обстрела, необходимый ремонт и устранить все повреждения.

Накануне дня памяти Святителя Алексия ко всенощному бдению собрались из разных концов страны представители православного духовенства: из Яффы, Хайфы, Айн-Карема (Горней). Прибыл и настоятель греческого Иерусалимского монастыря архимандрит Григорий. В самом начале всенощной приехали из Яффы и заняли места в храме: настоятель коптского монастыря архимандрит Иоаким и архимандрит-настоятель армянского монастыря.

Начал всенощную ветеран Святой Земли — архимандрит Мелетий, приехавший из России еще в 1908 году.

Пели два хора: правый из монашествующих Горненского женского монастыря, левый из прибывшего духовенства.

И, пожалуй, было даже лучше, что богослужение совершалось в маленьком храме, вместимостью на 200—300 человек. За окнами бушевала зимняя иерусалимская непогода, такая, какой, по словам старожил, не было уже 30 лет, а здесь было уютно, тепло, иконостас блестел после чистки, весь пол был устлан прекрасными коврами. Храм освещался двумя большими паникадилами. Перед иконами иконостаса, а особенно перед иконой Святителя Алексия с частицею его святых мощей, горело большое количество свечей. Торжественное истовое богослужение, сопровождаемое стройным пением полного хора Горненского монастыря, создавало особо торжественное и молитвенное настроение.

Полиелей совершался, как обычно, на середине храма. Акафист читал начальник Духовной Миссии архимандрит Леонид и сослужащие

ему: греческий архимандрит Григорий, архимандрит Мелетей, архимандрит Авраамий, протоиерей Владимир Елховский, иеромонах Исаия. Чтение акафиста сопровождалось усердной молитвой и поклонами верующих.

На следующий день, ровно в 9 часов, праздничный звон соборной миссийской колокольни возвестил о начале Литургии. Гости, число которых увеличилось, заняли отведенные им места.

Начальник Миссии архимандрит Леонид был встречен при входе в храм служащим духовенством с крестом. Певчие стройно пропели тропарь празднику.

Затем началось богослужение, которое торжественно и благоговейно совершалось на церковно-славянском и греческом языках.

В конце Литургии архимандрит Леонид произнес слово на тему: «Житие Святителя Алексия». На молебне, который служился на середине храма перед иконой Святителя Алексия при участии всего православного духовенства Миссии, было провозглашено многолетие Святейшему имениннику.

После молебна все служащее духовенство, члены Посольства и гости были приглашены в покои начальника Миссии на скромную трапезу, за которой архимандрит Леонид провозгласил здравицу Патриарху Московскому и всея Руси Святейшему Алексию. Присутствующие с одушевлением пропели Его Святейшеству «многая лета».

Коптский архимандрит Иоаким на арабском языке сказал: «Мы смотрим на Русскую Православную Церковь, как на столп и утверждение любви среди братских Восточных Церквей» и пожелал процветания Русской Духовной Миссии в Палестине.

Настоятель греческого Крестного монастыря архимандрит Григорий заинтересовал всех присутствующих своими воспоминаниями о посещении Иерусалима Святейшим Патриархом Алексием в 1945 году. Свой рассказ он закончил описанием того впечатления, какое произвела на православных иерусалимлян служба Святейшего Патриарха: «Когда Святейший Алексий служил у Гроба Господня — весь град потрясся».

В три часа дня большой соборный миссийский колокол пригласил верующих к очередному вечернему богослужению.

Так закончилось церковное торжество в день тезоименитства Святейшего Патриарха Алексия, и Русская Православная Духовная Миссия в Палестине приступила к своей повседневной работе.

Протоиерей В. Елховский

ХРОНИКА

На кафедру епископа Винницкого и Брацлавского Святейшим Патриархом и Священным Синодом назначен архимандрит Троице-Сергиевой Лавры Иннокентий (в мире протоиерей Георгий Зельницкий).

* * *

28 января в зале заседаний Священного Синода было совершено наречение, а 30 января в Богоявленском Патриаршем соборе — хиротония архимандрита Иннокентия во епископа. Хиротонию совершали: Святейший Патриарх Алексий, архиепископ Дмитровский Виталий, епископ Курский Нестор и епископ Черниговский Иаков.

* * *

27 февраля в Вознесенском кафедральном соборе г. Новосибирска была совершена хиротония архимандрита Никандра (Вольяникова) во епископа Бийского, викария Новосибирской епархии. Хиротонию совершали: архиепископ Новосибирский Варфоломей, архиепископ Омский Палладий и епископ Семипалатинский Варсонофий.

* * *

Епископ Петрозаводский и Олонецкий Венедикт (Пляскин) уволен, согласно прошению, на покой по болезни.

* * *

25 февраля 1949 г. Святейшим Патриархом награждены:

1. Экзарх Украины, Митрополит Киевский и Галицкий Иоанн — правом ношения двух панатий и вне пределов экзархата, во внимание к исполнившемуся пятилетию его служения в звании Митрополита Киевского и Галицкого, Экзарха Украины.

2. Архиепископ Виленский и Литовский Фотий — правом ношения креста на клобуке, во внимание к высокому положению архиепископа, возглавляющего знатнейшую Литовскую кафедру.

3. Архиепископ Минский и Белорусский Питирим — правом ношения креста на клобуке во внимание к архипастырским трудам.

речи, проповеди

СЛОВО БОЖИЕ

Слово,
сказанное в Пименовской церкви
г. Москвы

«Блаженны слышащие слово Божие
и соблюдающие его» (Лк. II, 28).

Много раз святые евангелисты говорят в своих повествованиях о проповеди Господа нашего Иисуса Христа. Говорил ли Господь, сидя на горе, или в доме, или с лодки, отъехав несколько от берега, или в пути из селения в селение, — всегда вокруг Него собиралась толпа народа. Эти люди с жадностью слушали каждое слово Христово. И какая покоряющая сила была в этом слове! Люди бросали свои дома, забывали о пище, об отдыхе, внимая речам Божественного Проповедника.

Слово Божие не умолкало и не умолкнет на земле никогда. Закрылись только телесные уста Спасителя, когда Он умирал на кресте. Его слово апостолы понесли во все концы вселенной, его проповедывали и за него умирали. И никогда не уменьшалась эта сила слова, покоряющая сердца людей: апостолы проповедывали, а слушавшие их толпы народа плакали, вздыхали, перерождались душой. Много таких священных картин описано в книге Деяний Апостольских.

Восприняв от своего Божественного Учителя заповедь: «Шедше научите вся языки» (Мф. 28, 19), апостолы передавали это право и долг проповеди слова Божия народу своим преемникам — епископам, священникам.

Когда св. Иоанн Златоуст проповедывал в своем Антиохийском храме, как говорят историки, совершалось нечто необычное в городской жизни: прекращалась торговля на базарах, приостанавливались занятия в школах и работы в учреждениях, все спешили в храм, чтобы послушать его слово. Храм не вмещал всех приходивших сюда. И однажды во время своей беседы св. Иоанн Златоуст, обращаясь к толпе слушателей, сказал: «Бедные вы мои! Вы подобны ниве иссохшей, жаждущей дождя».

Человеческая душа всегда искала утешения своего голода и своей жажды в слове Божиим. Свидетельством такой любви верующей души к слову Божию являлся давний, от древних времен христианства, обычай в христианских семьях читать и дома слово Божие утром и вечером каждого дня после молитвы. Христиане читали его и для себя, читали

его и для своей семьи вслух. Этот святой обычай перешел и к нам на Русь, и в течение многих веков русские православные люди, подражая древним христианам, не начинали своего дня и не кончали его, не прочитав хоть несколько евангельских или апостольских строк.

Все новообращенные православные христиане нашего времени: японцы, китайцы или те французы, которых я недавно посещал в Париже, ревностно соблюдают этот древний порядок молитвенного правила.

К великой нашей скорби, мои дорогие, среди нас, ввиду разных семейных обстоятельств, лишь немногие православные семьи поддерживают этот завет наших предков. Но слава Богу за то, что в нашем русском православном народе не умирала и не умирает жажда слушать слово Божие и Его проповедников. Наш верующий народ с особой любовью относится к пастырям-проповедникам и спешит в их храмы.

Почему так любит народ проповедников, любит слово Божие? Потому, что мы проповедуем вам не человеческое учение, а божественное, говорим не свое слово, но говорим и изъясняем слово Божие.

Вот и я, видя сейчас перед собой до тесноты переполненный храм и внимание, с которым вы встречаете мое слово, готов повторить слова св. Иоанна Златоуста: «Милые мои, вы, как нива сухая, жаждете небесной росы и тянетесь к ней своей душой». И я молю Господа, чтобы мои слабые слова были подобны капелькам этой небесной влаги и пусть она оросит ваши души.

Все вы понимаете, почему слово Божие обладает такой неумирающей силой притягивать к себе сердца людей и властвовать над ними. Ведь мы — дети Небесного Отца, и слово Божие это слово нашего Отца. Через него Он беседует с нами, Своими детьми, а для нас нет и не может быть никого дороже своего Небесного Отца. Дорого для матери свое дитя, дороги детям любимые родители, но Спаситель сказал: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня» (Мф. 10, 37). И в верующем сердце нет большей любви, чем любовь к своему Сладчайшему Господу. Потому и Его слово для нас, как говорит псалмопевец, «дороже золота и серебра» (Пс. 118, 72).

Мы — дети своего Небесного Отца по творению: Он сотворил человека, Он в каждого из нас влагает бессмертную душу и в этой душе отпечатлевает Свой образ. Он есть любовь, и в наше сердце Он вложил потребность любви; Он Всесвятой, — и в каждом из нас заложено стремление к святости Он вечный, — мы бессмертны. Образ Божий делает истины Божественного Слова родственными душе каждого из нас.

Мы — родные Ему уже по своему творению, но мы — дети Его и по искуплению, совершенному Им. Та кровь, которую Он пролил на кресте за каждого из нас, соделывает всех нас — Его детей — одной семьей. Мы — дети Его и по духовному своему рождению. Каждый из нас не только телесно рожден своей матерью, но и духовно рожден благодатью Святого Духа в таинстве крещения. И это еще теснее объединяет всех нас вокруг нашего общего Небесного Отца, делая всех нас Ему духовно близкими и своими.

Вот почему тот голос Божий, который мы слышим в Его слове, те истины, о которых проповедует нам слово Божие, так близки и родственны нашему сердцу.

Посмотрите на то, о чем говорит нам слово Божие. Прежде всего оно говорит нам о близости к нам нашего Небесного Отца. Наш Господь родился на земле, был младенцем, отроком, юношей, мужем, прошел все стадии человеческого возраста, кроме старости. Он перенес все тягости земной человеческой жизни: голодал, жаждал, трудился днем и ночью, переносил клеветы и злословие человеческого языка и сердца,

на конце Своего подвига претерпел тяжкие побои, унижение, оплевания, умер мучительной смертью, — и все это — во имя спасения нас от вечной смерти и для того, чтобы ни для кого из нас не быть чуждым и далеким. Он говорил, что стоит у дверей сердца человека и в них стучит, чтобы войти в это сердце, когда Ему отворят (Откр. 3, 20). Он обещал оставаться с нами до скончания века (Мф. 28, 20). Господь учил еще в дни Ветхого Завета, что будет слышать всякий вздох скорби человеческой, потому что Он близок каждому из нас (Пс. 90, 15).

И как эта истина о близости Божией к нам понятна, родственна и близка нашей душе! Сколько силы и бодрости вливает она в сердце! Мы знаем из слова Божия, что Бог наш и наш Небесный Отец пребывает не только на Своем престоле превыше небес, но, как Вездесущий, всегда с нами.

Слово Божие учит нас тому, что мы не умрем, что нет конца жизни нашей бессмертной души. Да ведь к этому бессмертию, сознательно или несознательно, стремится каждая человеческая душа, и как ей дорого и радостно слышать об этом в слове Божиим!

В Своем слове Господь говорит нам о том, как Он ждет покаяния человека, с какой любовью Он склоняется к кающемуся, как Он прощает всякого кающегося грешника, как после прощения навсегда изглаживает из души человека его скверны, и какая бывает радость на Небе о каждом кающемся грешнике (Лк. 15, 7). А ведь за этим и идет к своему Господу каждая кающаяся душа с обличающей ее совестью. Кроме Бога, никто не может дать человеку этого прощения и успокоить его мятущуюся совесть.

Слово Божие утешает каждого страдальца Божественным обещанием помощи в несении жизненного креста. Евангельские слова о том, как Спаситель плакал с плачущими, о том, как Он скорбел душой о тех, кто несет страдания, проливают светлый луч утешения в души всех «скорбящих и озлобленных», ищущих утешения у ног Христовых.

Вот почему и тянется душа к слову Божию. Это слово дает сердцу человека ту пищу и то питье, которых алчет и жаждет это сердце. Отец Небесный Своим словом питает Своих детей.

О, мои дорогие! Да не забудет никто из нас на своем жизненном пути, что все мы должны быть не только слушателями слова Божия, но и исполнителями его. Всем нам сказано: «Блаженны слышащие слово Божие и соблюдающие его» (Лк. 11, 28).

Св. Иоанн Златоуст, сравнив своих слушателей с нивой, жаждущей влаги, говорил им: «Вы — моя радость и утешение. Молю Бога, чтобы Он помог всем вам с таким же усердием исполнять заповеди Божии, с каким вниманием вы слушаете меня». Св. Димитрий Ростовский, этот великий столп нашей Русской Православной Церкви, сказал однажды своей пастве: «Ваше внимание к моим речам и ваша добрая жизнь — лучшая награда для меня». С великой любовью к вам, мои дорогие, хочется повторить эти слова святых златословесных учителей нашей веры.

Вы знаете из притчи Христовой о сеятеле о том, что разные бывают почвы сердец человеческих: и подобные утоптанной дороге, на которой не может задержаться семя и дать своего ростка, и каменистые, и заросшие терновником. Но есть сердца, подобные почве взрыхленной, доброй, в которой прорастает семя и приносит свой богатый плод.

Я верю, видя, как искрятся слезинки на ваших глазах, когда вы слушаете нас, что вы будете той доброй почвой, которая хранит семя слова Божия и дает ему рост и плод! Время жизни каждого из нас сокращается с каждым днем; все мы приближаемся к своему жизненному пределу, и бесплодными, обнаженными от добрых дел, грязными от

грехѣхъ, явиться нельзя туда, где царствуетъ святость, чистота и вечный мир.

Любите же нашъ святой храмъ, въ которомъ читается и проповѣдуется слово Божіе. Внимайте этому слову съ усердіемъ и любовью, съ благоговѣніемъ читайте его сами. И пусть оно утѣшаетъ страждущихъ, будитъ спящую совесть грѣшныхъ, ободряетъ кающихся грѣшниковъ, даетъ намъ силы дѣлать добро и ведетъ насъ за собой туда, гдѣ Источникъ этого слова ждетъ насъ къ Себѣ.

Митрополитъ Николай

С т а т ы

СВЕТОЗАРНОЕ УТРО

Нет в нашей Православной Церкви службы более величественной и проникновенной, чем пасхальная утренняя. Нет и такого верующего русского человека, который смог бы остаться в своем жилище в эту дивную ночь. Словно какая-то неведомая сила помогает нам преодолеть усталость, недомогание, годы и неудержимо влечет в блистающий огнями храм. Уже на пути к Дому Божию мы предвкушаем великую радость, которую нам сегодня приведет пережить Воскресший из мертвых. Это желанное предчувствие побуждает ускорить шаг и устремляет все помыслы в одном направлении. Скорее к Нему — Всемиловитому и Благоуветливому Богу нашему, принесшему в мир Свет и Правду! К Нему — воплощению любви и олицетворению добра! Вознести Предвечному, «Егоже славословят непрестанно ангели», наши недовлеющие похвалы и наполнить свои сердца животворящей теплотой, исходящей Им — лучезарнейшим Солнцем.

...Никогда не вмещает храм в своих стенах столько молящихся, как в эти часы. Казалось бы, что уже заполнено все его обширное пространство, но людской поток продолжает вливаться в западные двери. Пусть присутствующие весьма стеснены в движениях: это обстоятельство никого не смущает, ибо каждый готов поступиться удобствами для того, чтобы еще некоторое количество богомольцев поместилось внутри церкви. И счастлив всякий, кто слышит волнующее пение пасхального тропаря, где бы ему ни пришлось стоять — около клироса, в дальнем уголке левого придела или в узкой галлерее притвора. А разве те, кому удалось пристроиться лишь на боковой паперти или наблюдать происходящее через оконное стекло, не испытывают столь же сладостных чувств, когда к ним долетают отзвуки жизнеутверждающих песнопений?! Нет ни одного озабоченного или грустного лица, ибо думы о житейском и печаль покинули каждого, кто пришел поклониться Христу Жизнодавцу. Лишь радость — чистая, не умаляемая ничем входящим, владеет всеми собравшимися, разливаясь широко, точно полноводная река в вешнюю пору...

Один за другим следуют ирмосы умильного канона. «Утреннем утрENNюю глубоко, и вместо мира песнь принесем Владыце...». Священнослужители в облачениях из голубой парчи быстро шествуют по солее, совершая каждение. Так на заре Таинственного Дня спешили от Живоносного Гроба жены-мироносицы, чтобы обрадовать апостолов изумительной вестью. Иерей воздевает над народом трехсвечник с напестольным крестом. «Христос Воскресе!» — велегласно возвещает он молящимся. И тотчас же, сотрясая воздух, звучит восторженный ответ из тысяч уст «Во истину Воскресе!»

Снова сливаются воедино все голоса... «Пасха, двери райские нам отверзающая...». С огромным воодушевлением поют

богомольцы эти прекрасные, запомнившиеся навсегда, стихиры. «В оскресения день, и просветимся торжеством, и друг друга обымем...» И опять премит над сводами храма победная песнь в честь Непорочного и Нескверного Агнца Божия, благоизволившего предать Себя закланию, чтобы спасти род людской от «тьмы и сени смертной».

Легкими, несвойственными возрасту, шагами выходит настоятель на амвон и оглашает Слово Святителя Иоанна Златоуста: «Аще кто благочестив и боголюбив, да насладится сего доброго и светлого торжества...».

Да, мы действительно наслаждаемся сегодня необыкновенным торжеством. Исповедуя безграничное могущество Христа Избавителя, поправшего смерть, мы уповаем на Его неизреченное милосердие к нашим немощам. С отеческим радушием и лаской приемлет Он возлюбивших Его всем существом своим. Блажен «кто от первого часа делал есть» — от юности идет неукоснительно по Его Божественным Стопам. Но не будут тщетными усилия и тех, кто приблизится к Нему в третий и шестой час своей жизни, преодолев сомнения. Пусть, «ничтоже бояся», прибегнут под Его кров обретшие Истину только по девятом часе. «Да не устрашится замедления» и тот из нас, кто припадет к Всепрощающему лишь «во единонадесятый час». Ибо неложно глаголет присночтимый Иерарх Св. Церкви, что «любочестив бо сый Владыка» живых и усопших: не по неисчислимым грехам нашим воздаст Он, Искупивший нас Честною Своею Кровию. Всеведущий, Он ликует при каждом благом порыве Его творений и возмещает за добро сторицею. «И намерение целует, и деяние почитает, и предложение хвалит».

Божественная любовь не ведает предела. Никогда не отвратит Всесильный от сердца, мнящегося в скорби, Светоносный Лик Свой... Безмездно врачует Он болезни душ наших и ищущим Его ниспосылает великие и богатые милости.

«Трапеза исполнена, насладитесь вси» — призывает святой. «Телец упитанный, никтоже да изыдет алчай: вси насладитесь пира веры...».

Воистину подобно пасхальное богослужение великолепнейшему пиру, который Великий Гостеприимец уготовал всем, притекшим под благодатную сень Дома Его. Витает в воздухе благоухание кадильного дыма. Тысячи свечей, возженных нами в сретение Небесному Жениху, излучают кроткое сияние. Но ярче всего озарен Чертог Всевышнего пламенем веры, горящим в наших сердцах. Пусть же сия спасительная вера, покоящаяся на недвижимом камени заповедей Христовых, руководствует нашими мыслями и поступками в любую минуту жизни. Да вдохновляет она нас на новые подвиги во имя Отчизны — цветущей Советской Державы, где любовь к человеку и забота о нем поставлены во главу угла дерзновенных планов и невиданных дел!

Возвеселиться и прославлять Воскресшего повелевает ныне своим чадам Святая Церковь. Ничто не должно омрачать роскошную трапезу, которую незримо возглавляет Господь наш, Дающий Себя в снедь верным. Ничто не может воспрепятствовать теперь общению христианских душ с Богом, ибо грех, силы зла, сама смерть, казавшаяся ветхозаветному человечеству неизъяснимым ужасом, побеждены преславным Воскресением Христовым. «Никтоже да плачет прегрешений... Никтоже да убоится смерти: свободи бо нас Спасова смерть... Плени ада, Сошедый во ад!».

Особенно впечатляюща последняя часть Слова Святителя Иоанна. Вдохновенными словами излагает Златоуст непоколебимую веру Святой Церкви в бессмертие души, утвержденное Виновником всечестного

празднества. Восстав от мертвых, Единородный Сын, «сущий в недре Отчем» (Ио. 1, 18), положил начало вечной жизни и этим возвел род людской от земли к Небу, придал существованию человека возвышенный и благородный смысл.

«Где твое, смерти, жало: где твоя, аде, победа?! Воскресе Христос, и ты низверглся еси... Воскресе Христос, и жизнь жительствоует... Тому слава и держава, во веки веков. Амины!».

Воистину священно и всепразднественно Светозарное Утро, в которое воссияло миру из гроба Солнце Правды и Любви. Приобщимся же божественного веселия во славу «нас ради Родившегося» от Девы и Вознесшегося на крест! Господи, сподоби предстоящих здесь и молящихся еще не единожды узреть это несказанное торжество в честь Твоего Всемогущества и воспринять всей душой неизмеримое богатство благодати, которое Ты от щедрот Своих наипаче даруешь нам в «сей нареченный и святой день!»

Георгий Александров

АПОСТОЛЬСКИЙ ПОДВИГ СЯТИТЕЛЯ СТЕФАНА ПЕРМСКОГО

(Память 26 апреля по ст. ст.)

В годовом кругу наших церковных воспоминаний особое место принадлежит памяти св. Стефана Пермского, просветителя зырянского народа. Светлый образ его апостольской святости ярко выступает из древнего сумрака нашей истории и зовет каждого из нас к подвигу богоугодной жизни, убеждая, что такой подвиг возможен во всякое время и в любых исторических условиях. В том и заключается урок святости, данный нам в житии Святителя, что свой подвиг он усмотрел в нуждах своего времени, презрев всякие личные интересы. Потому-то и не тускнеет в церковной памяти личность св. Стефана. Отразив в себе образ Христов, она продолжает жить в последствиях того дела, которое совершено ею при жизни. Важнейшее из этих последствий — факт церковной жизни народа, просвещенного св. Стефаном. Но для нас не менее важное значение имеет самый образ его апостольской святости, в котором мы видим желанную норму подлинно христианской жизни, соразмеряем с этой нормой свои возможности и таким образом ищем откровения собственного земного пути. В этом смысле мы ждем от св. Стефана не только небесного покровительства, но и благодатного восполнения нашей сильно оскудевшей духовной жизни.

Смысл церковного воспоминания о св. Стефане Пермском станет еще глубже, если мы сопоставим его апостольское служение с подвигами других русских святых. Страстотерпцы, мученики, преподобные, святители, народные вожди в дни бедствий, исповедники, старцы, юродивые — какое разнообразие жизненных призваний! Какие различные образы святости при единой благодати Святаго Духа! И среди них — длинный ряд святых апостолов-миссионеров, много потрудившихся в распространении Православия среди язычников и иноверцев: св. Леонтий и св. Исаия, епископы Ростовские, преп. Кукша, просветитель вятичей, преп. Герасим Вологодский и множество других, прославленных и не прославленных Церковью. Их апостольские подвиги говорят нам о многом: о важности православной миссии в среде других народов, о долге жизни по Христу, о нравственной ответственности за братьев, отпавших от веры, о путях благовестия Христова, но больше всего о том, что апостольский подвиг требует особого призвания свыше.

В известной мере каждый христианин призван свидетельствовать об Истине: образом своей жизни, словом, настроением, добрыми делами и всеми христианскими добродетелями. Но апостольский подвиг предваряется особыми дарами Святаго Духа и требует самоотверженной и пламенной ревности о славе Божией. Этот подвиг не покрывается, конечно, односторонним учительным служением. Недостаточна для его полноты и культурно-просветительная миссия в христианском духе. Нужно нечто большее, именно, святость, как вернейший признак водительства Духом

Божим. Ведь Церковь признала Стефана Пермского святым не за одни успехи апостольской миссии, а за полноту богоугодной жизни, за самоотречение, за устроение себя в жилище Богу. Успехи в проповеди Евангелия бывали у многих миссионеров, но немногие из них признаны святыми. И тут кроется ответ на вопрос — почему односторонние усилия ума, воли, учености, искусства часто оказываются бесплодными для дела Христова? — Очевидно, что такие усилия обеспложиваются примесью славолубия, присвоением дела Христова своему умению, своим силам в то время, как оно может совершаться лишь Духом Святым, усвояемым чистыми и самоотверженными сердцами. Об этом ясно свидетельствует не только святость первых Христовых Апостолов, но и житие Святителя Стефана Пермского.

* *

*

Представим себе — насколько это возможно — родную страну в далекие и глухие времена первой половины XIV столетия. В ту тяжелую пору над Русью тяготело татарское иго. «Это было одно из тех народных бедствий, — говорит историк, — которые приносят не только материальное, но и нравственное разорение, надолго повергая народ в мертвенное оцепенение». Но в это время на Руси уже пробил тот долгожданный час, когда угнетенный народ обрел свои растерянные силы, которые в середине века сосредоточились в удивительном сотрудничестве трех святых современников: Святителя Алексия Московского, Преподобного Сергия Радонежского и Святителя Стефана Пермского. От них дух жизни стал разливаться по Русской Земле и проникать во все омертвевшие члены народного тела. Началось усиление Москвы, и Русь стала крепнуть для открытой борьбы за независимость.

В те времена обширные северные и северо-восточные пространства только что начинали тяготеть к Москве. Там, среди бесконечных лесов Двинской земли, в окружении зырянских племен, уже существовали редкие русские города, в том числе и Великий Устюг, расположенный у слияния двух главных притоков Северной Двины — Сухоны и Юга. Входивший в Ростовский удел, этот город был как бы северным форпостом русской культуры, постепенно проникавшей к местным племенам этого обширного края. Обитавшие по реке Югу и далее, к востоку, по Каме и ее притокам, неорганизованные массы пермяков или зырян прозябали во тьме язычества и с враждою относились к проникновению русских. Великий Устюг, стоявший вначале у слияния Сухоны и Юга, был перенесен на другое место от их частых набегов. В этом древнем русском городе, около 1340 года, родился тот человек, которому суждено было стать просветителем темной зырянской земли и приобщить ее обитателей к Русской Православной Церкви.

По сказанию его современника, инок Епифания, мальчик отличался необыкновенным усердием к книжному учению и настолько преуспел в нем, что очень скоро занял место чтеца в устюжском соборе. Надо думать, что «грамматичная хитрость и книжная сила» в устюжских условиях была не малым приобретением даровитого отрока, глубоко проникшего в дух Псалтири, Апостола и богослужебных книг. Вместе с благонравием мальчика, эта первоначальная церковная наука сообщила ему особую направленность мысли и сделала его чутким к нравственному состоянию окружающих. Он, конечно, с самого раннего возраста соприкасался с инородцами, во множестве жившими около города, и их простые, но скованные язычеством души не могли не возбудить в нем благочестивой мечты о просвещении инородцев христианской верой. Церковный дух, жаждущий приобщить к свету Христовой веры темный и жалкий народ, определил апостольское призвание юного устюжанина.

Но для этого великого дела ему самому нужно было укрепиться ду-

хом и возрасти в Богопознании. И вот, движимый жадой духовного подвига и образования, он устремляется в Ростов, тогдашний культурный центр Северо-Восточной Руси. Там его внимание привлекает общежительный монастырь св. Григория Богослова, в котором он принимает постриг от игумена Максима. С этого момента для Стефана началась монастырская школа, закалявшая его дух аскетическими подвигами и просвещавшая разум Священным Писанием и святоотеческими творениями. Этому способствовала большая монастырская библиотека, в которой было много греческих книг. Были в монастыре и ученые монахи, знавшие греческий язык. От них инок Стефан научился этому языку в совершенстве ради того, чтобы углубиться в Священное Писание и в подлинниках читать Святых Отцов. Послушание по переписке книг еще более расширило его книжные познания и, утончив каллиграфические навыки и грамматическую наблюдательность, много послужило ему впоследствии при составлении азбуки зырянского языка.

По свидетельству Епифания, сообщника Стефана в монастырских трудах, последний отличался удивительной пытливостью ума, особенно в исследовании смысла Священного Писания, и с этой целью общался не только с книгами, но и с просвещенными людьми своего времени, уясняя с ними смысл какого-либо слова или стиха. Изучил Стефан и «внешнюю философию», поскольку она могла быть доступной ему по греческим источникам. Словом, необыкновенные способности, возросшие на почве духовного опыта, привели инока Стефана к такой учености, какая в те времена была исключительной редкостью и, конечно, обязывала своего обладателя к подвигам, достойным его мудрости и духовного кругозора.

Такой подвиг, задуманный с отроческих лет, ясно обозначался в трудных обстоятельствах времени и темного языческого окружения. К великому и насущно необходимому делу христианизации этого окружения вела длительная и духовная подготовка в монастыре. В атмосфере монастырской жизни Стефан получил ту духовную силу, которая дает живую связь людям и приобщает их ко Христу. Хотя биограф Стефана и мало говорит о его аскетических подвигах, но они были необходимой предпосылкой его апостольского служения. «Доброму же о Христе житию его дивляхуся мнози не точию иноцы, но и простая чадь».

Совершенно ясно, что в основе всего духовного облика Стефана была прежде всего святость жизни и стремления к подвигу любви. И большая ученость Стефана являлась для него не самоцелью, не средством удовлетворения природной любознательности, а подготовительной ступенью, на которой утверждалось и крепло чувство его апостольского призвания. Два момента характеризуют ученость Стефана: знание Священного Писания и дар языков. К 30 годам он в совершенстве изучил греческий язык, усовершенствовался в церковно-славянском и приступил к изучению зырянского наречия. В этом смысле ученая работа Стефана была снисхождением на него Святого Духа, дающая разумение языков для того, чтобы пойти к народам и научить их глаголам Вечной Жизни.

Вот почему Стефан направил свои усилия к составлению зырянской азбуки. Подобно первоучителям словенским, Кириллу и Мефодию, он исходил из того, что каждый народ должен славить Бога на своем родном языке. Как знаток трех весьма различных языков, Стефан из сравнения их ясно видел превосходство языков христианских перед бедным языческим наречием, и вывод, который напрашивался сам собою, указывал на необходимость перевода Священного Писания на зырянский язык. Этот перевод означал для язычников не одно обогащение их языка новыми понятиями, но и внутреннее устроение народной души и приоб-

щение ее к единству Богопознания с другими христианскими народами и прежде всего с русским. Та же христианизация языка решала вопрос и о культурной самобытности народа.

Подход к делу был правильный и опыт создания азбуки зырянского языка удачным. Для ее составления Стефан воспользовался теми резами и рунами, которые употреблялись зырянами в их полукочевом быту в качестве путеводных знаков и охотничьих заметок. Когда азбука была готова, Стефан осуществил перевод на главное зырянское наречие ряда необходимых книг из Священного Писания и богослужебного обихода как со славянского, так и с греческого языков. Можно себе представить — сколь велик и значителен был труд переводчика в те времена, когда не было ни книгопечатания, ни вспомогательных наук, ни словарей. Выполнение этого труда при отсутствии в то время позднейших усовершенствований в этой области свидетельствует о даре вхождения в дух языка через духоносное слово Божие. Оно не только устроило душу, но и расширяло горизонты разума познанием новых сторон христианской истины.

Но всего этого труда было мало. На апостольский подвиг требовалось благословение Церкви и разрешение высшей власти. И Стефан отправился в Москву. Там его миссионерские планы встретили самое благосклонное отношение как со стороны управлявшего тогда Московской митрополией Михаила Митяя, так и со стороны великого князя Дмитрия. Согласие и благословение на подвиг Стефан получил вместе с охранными грамотами Москвы и всем необходимым для церковного устройства будущих христиан. В эту пору Стефан был уже в сане пресвитера. Время подвига пришло.

*
**

Апостольская миссия Стефана была беспримерной по трудности, но ему сопутствовало содействие благодати и Промысла Божия. Вооруженный дарами Святого Духа он имел в своем распоряжении и помощь земных властей в виде грамот. При наличии такой силы, нужно было разумно ее использовать, применяясь к быту, привычкам и душевным свойствам зырянского народа, религия которого находилась в состоянии первобытного фетишизма. О ней можно судить по остаткам многочисленных суеверий, бытовавших среди зырян до недавнего времени. Для этих суеверий характерно превращение природы в обиталище большого числа демонических сил: леших, водяных, оборотней. Можно полагать, что в древне-языческие времена и окружающую природу и бытовую обстановку зыряне еще гуще населяли разными духами, преимущественно злыми.

В лесных пространствах не было далеких горизонтов, и кругозор зырян-язычников был также узок и ограничен бытом и борьбой за существование. Трудна была эта борьба среди лесов, болотных топей и глубоких рек. Дары природы зависели от ее капризов и не легко давались простодушному и робкому зырянину. Поэтому его зависимость от природы была велика: не он над природой, а природа господствовала над ним своими стихийными силами. Отсюда страх и сумрачный характер первобытной веры в эти силы, вызывавшие человека или на обман и хитрость, или на умиловительные жертвы. Опасности, подстерегавшие человека среди природы, олицетворялись злыми духами, но в быту и в благоприятных явлениях природы встречались и благожелательные духи, охранявшие зерно, посевы, жилище и т. д. Солнце, огонь, вода, животные и даже растения обожествлялись, и мысли о едином Боге не было. Множественность богов отражала утрату первоначальной цельности и свидетельствовала о раздробленности душевной стихии, порабощенной низшей природе.

Стефан, хорошо знавший характер и верования зырян, пошел в своей деятельности по линии наибольшего сопротивления. С немногими спутниками и жизненными припасами он отправился на лодке в самый центр дикой страны, в Усть-Вым. Появление русского монаха, с намерением обосноваться в самом сердце страны, не могло встретить благожелательного отношения зырян к непрошенному гостю. Но у него были грамоты сильной Москвы, и этого было достаточно, чтобы робкие туземцы терпимо отнеслись к появлению среди них московского миссионера. Можно предполагать, что первые попытки Стефана к сближению с туземцами заставили некоторых заинтересоваться неслыханной проповедью спасения души и свободы от страха перед их капризными и злыми богами. Зырян должна была поразить самоотверженность Стефана и необычная для них, но близкая и желанная душе проповедь любви Божией. Появились первые обращенные, которых Стефан крестил. На них уже можно было опираться в развитии дальнейшей деятельности, возбуждавшей против Стефана зырянских жрецов и вождей. Они в проповеди миссионера почуяли для себя реальную опасность.

И вот Стефан смело строит для своего малого стада церковь во имя Благовещения Пресвятой Богородицы, строит на холме, против языческой кумирни, украшает ее, «яко невесту», и совершает в ней благолепные службы. Невиданная язычниками красота храма и богослужений неудержимо привлекает любопытных и много содействует дальнейшему обращению язычников в христианство. Стадо Христово стало расти. С обучением крещенных зырян грамоте и чтению Священных книг на родном языке рост этот увеличивался еще более. Но росла и опасность со стороны языческих жрецов и недовольных элементов. Назревали споры и столкновения. С успехами христианской проповеди Стефана они учащались. Но Стефан смело ходил по далеким селениям зырян и разрушал их шаткие первобытные понятия о богах вместе с языческими кумирнями. Туземцы, слыша убедительную проповедь о Едином и Всеблагое Боге и видя безнаказанное уничтожение своих богов, наглядно убеждались в силе и правде христианства.

Сердца язычников еще более привлекало бескорыстие Стефана. Сжигая кумирни, увешанные дорогими мехами, он ничего не брал в свою пользу, считая жертвы язычников «бесовской частью». Эта особенность Стефана действовала уничтожающе на авторитет корыстолюбивых языческих жрецов. И вот, когда он сжег их главную кумирню, наполненную богатыми приношениями, злоба жрецов достигла предела. Подстрекаемая ими толпа окружила Стефана с ослопами и готовилась его убить. Но бесстрашие и видимая беззащитность Апостола победили толпу, не смеющую поднять руку на святого. Не раз его хижина обкладывалась сухой соломой, чтобы предать раба Божия «запалению», но никто не находил в себе смелости подойти к этой соломе с огнем, и Стефан своим спокойствием праздновал новые духовные победы над злобой жрецов.

Эти победы бесконечно вырастали в своем нравственном значении для зырян, видевших открытую и благочестивую жизнь святого Стефана. Для них его благочестие, конечно, отождествлялось с той пользой, которую они видели в его постоянной благотворительности и готовности прийти на помощь. Неизменное незлобие и приветливость Стефана постепенно разоружали недоброжелательно настроенных к нему туземцев и незаметно превращали их в преданных друзей. Когда они искали убить его, он не противился насилию и спокойно ждал смерти. А когда они сами со страхом ожидали справедливого наказания за свои покушения на Стефана, он кротко успокаивал их: «Не посла бо мя Христос бити, но благовестити, и не повеле мучити, но учити с кротостию и

увещать с тихостью». И благодатная сила любви неудержимо влекла к нему полудиких детей природы.

В той же мере росла вражда шаманов и жрецов, терявших своих последователей. Но Стефан не оставлял их в покое и нередко вступал с ними в споры, доказывая бессилие и ничтожество языческих богов. Особенно сокрушительным доказательством служило безнаказанное уничтожение идолов и кумирен с помощью топора и огня. Это сильнее слов убеждало зырян в правоте Стефана и заставляло следовать за его призывами к христианской вере. Интересны и споры, которые св. Стефан вел с шаманами и жрецами. Смушая новокрещенных, жрецы призывали их не оставлять языческих богов и не слушать посланца Москвы, от которой они испытывают лишь «тяжкие дани и насильства». Но этот аргумент неизменно уничтожался христианским бескорыстием св. Стефана, его благотворительностью и постоянными заботами об ограждении протодушных зырян от насилий «тивунов, доводчиков и приставов». Своими ходатайствами перед Москвой Стефан немало содействовал снижению налогового бремени, защищал зырян от новгородской вольницы, ходил с ними в поход против вогул, добывал для них хлеб из Вологды во время голода и тем самым наглядно показывал силу и действие христианского духа любви.

Известен спор св. Стефана с главным зырянским жрецом Памом, который пытался опровергнуть христианскую веру наивным утверждением преимуществ многобожия. Это был решающий и роковой для языческого мировоззрения спор, завершившийся испытанием огнем и водою. Св. Стефан — в заключение спора и в доказательство силы христианства — предложил Паму войти вместе с ним в огонь и броситься в прорубь. Когда св. Стефан взял Паму за руку и повлек его с собой в запыхавшую хижину, тот в ужасе отпрянул назад. То же самое последовало и перед прорубью: старый жрец не имел силы «преобидети огонь и воду» и, таким образом, перед лицом народа оказался посрамленным. Но народный гнев, угрожавший Паму смертью, был угашен любовью св. Стефана, осудившего развенчанного жреца всего лишь на изгнание из пределов зырянской страны.

Понятно, что после такого события туземцы во множестве стали переходить в христианство. Зырянская Церковь быстро возрастала. Для ее духовных нужд потребовались новые храмы, которые, по местному преданию, были во многих местах основаны св. Стефаном, уже посвященным Московским Митрополитом Пименом в сан епископа Великопермского. Это произошло в 1379 году¹, когда св. Стефан ездил в Москву с просьбой о поставлении епископа для крещеных зырян. С начала миссионерской деятельности св. Стефана прошло, таким образом, пять лет.

*
* *

За короткий промежуток времени был совершен величайший акт духовного перерождения дотоле дикого языческого народа, совершен без всякого насилия, действием одного подвига самоотверженной любви Святителя Стефана. В сане епископа Великопермского его деятельность продолжалась в еще более широких размерах. Это был подлинный духовный отец народа, обязанного ему своим возрождением. При храмах он устраивал школы, в которых крещеные зыряне учились чтению и письму на родном языке. Наиболее способных из них Святитель ставил иереями, диаконами, чтецами, создавая, таким образом, Зырянскую Православную Церковь с зырянской письменностью и богослужением на зырянском языке.

¹ По другим данным это произошло в 1383 году.

Для того времени это был смелый и правильный шаг, продолжавший великое дело проповеди Евангелия в духе первых Христовых Апостолов, которые в день Пятидесятницы получили дар говорить на языках своего времени ради благовестия Христова всем народам. Но далее римские епископы искажали это апостольское наследие и латинизировали Священное Писание и богослужение. Славянский язык был признан в качестве богослужебного с немалыми препятствиями со стороны Греческой Церкви. А русский язык лишь в прошлом столетии и с большими трудностями удостоился перевода книг Священного Писания. Поэтому дело св. Стефана, подвизавшегося на ниве Христовой в XIV столетии, представляется в настоящий момент блестящим примером отклонения консервативных тенденций некоторых христианских церквей.

Необходимо обратить внимание и на взаимоотношения епископа Стефана с властями Москвы и Новгорода. В то время зырянские земли были предметом соперничества этих двух независимых княжеств, но св. Стефан, повидимому, никак не вмешивался в политические притязания сторон, предоставляя решение вопроса самой истории. Известно, что он предпринимал путешествие в Новгород ради ограждения мирных зырян от набегов «ушкуйников», не раз посещал и Москву, испрашивая своей пастве разные льготы по торговле и налогам. И Новгород и Москва всегда благоприветствовали просьбам св. Стефана, который не хотел, чтобы церковное дело омрачалось политическими раздорами. Но когда христианство у зырян окончательно утвердилось, духовная связь с Москвой оказалась сильнее, и вскоре вся страна перешла под власть московских великих князей.

Это обстоятельство для зырянского народа явилось благотворным в том смысле, что сильная Москва уже навсегда оградила его от разорительных набегов новгородской вольницы, а дальнейшее распространение христианской веры среди народностей этого обширного края постепенно умиротворило их и прекратило прежнюю вражду и взаимные набеги. Православная вера усилила и обогатила природные свойства добродушных и робких зырян, смягчила их дикие нравы и обычаи и впервые внесла в его быт свет просвещения и культуры.

Благотворное влияние св. Стефана на зырянский народ было столь велико, что еще при жизни он был окружен всеобщим почитанием и любовью своей многочисленной паствы. Но его слава выходила и далеко за пределы зырянской земли. В Москве, Ростове, Новгороде, в родном Устюге и других городах св. Стефан пользовался исключительным вниманием и уважением. Великий князь Московский, Дмитрий Донской, любил его и всячески поддерживал. Московская митрополия много раз вызывала его для участия в решении общецерковных дел. Преподобный Сергий Радонежский знал его и был с ним в духовном общении. Предание рассказывает, как св. Стефан, спеша в 1390 году в Москву и не рассчитывая быть в обители Преподобного Сергия, встал с повозки против монастыря, поклонился Св. Троице и приветствовал Преподобного словами: «Мир тебе, духовный брат!» А Преподобный Сергий, находившийся в этот момент с братией в трапезной, внезапно встал, поклонился Святителю, находившемуся в 10 верстах от обители, и сказал: «Радуйся и ты, пастырь стада Христова, и мир Божий да пребывает с тобой!» Этот удивительный пример духовного общения святых наглядно вводит нас в тайну благодатного единения верующих в любви, для которой нет ни расстояний, ни времени, и самое пространство, разделяющее их, послушно снимает между ними свои преграды.

Одна из поездок Святителя в Москву оказалась для него последней. В 1396 году, 26 апреля, он тихо скончался в Москве, вдали от своих духовных детей. Тело Святителя, в знак особого к нему уважения, было погребено в великокняжеской усыпальнице кремлевского мона-

стыря Спаса на Бору. Это обстоятельство, конечно, не могло утешить осиротевших зырян, чувства которых автор Стефанова жития Епифаний выразил в трогательном «плаче». Такая утрата для них была слишком горестной, ибо только их простые, бесхитростные души могли уразуметь силу благодати Божией, изливавшейся на них через Святителя и духовного отца их Стефана. Они ближе всех ощутили его святость и, предвая церковную канонизацию, признали Стефана святым. Так подвиг Святителя остался жить в народной памяти, побеждая время и покоряя души Христу. А в своих преемниках св. Стефан довершил начатое им дело христианского просвещения и привел всю населенную ими заволжскую окраину к Москве, как к «единственному церковному средоточию всей русской земли».

*
**

На соборе 1549 года состоялась канонизация св. Стефана, ставшего в ряду небесных покровителей Русской Православной Церкви, которая включила в свою великую семью и Стефаново приобретение — Зырянскую Церковь. Его апостольский подвиг был выразительно и кратко запечатлен в тропаре: «Божественным желанием от юного возраста, Стефане премудре, разжегся, ярем Христов взял еси, и людей олядевшая древле неверием сердца, Божественное семя в них сеяв, евангельски духовне породил еси...»

Эта мысль тропаря — о духовном порождении — относится и к нам, поскольку св. Стефан, раскрывая перед нами значение своего апостольского подвига, как бы порождает себе новых учеников. В его житии мы видим пример, зовущий к подражанию. А начало оному полагаем тем, что стараемся приложить норму жизни, данную св. Стефаном, к своим возможностям и духовным ресурсам. Что же составляет жизненную норму св. Стефана? — В нее входит: аскетическая дисциплина ума, чувства, воли и тела, полученная в церковном общежитии; любовь к Богу и ближнему, как ведущее начало; и апостольская миссия, как призвание, как дело жизни. Иными словами: подготовка к подвигу, возрастание духа в любви и самый подвиг. В этом — правда Стефановой святости.

О нем можно сказать, что Святитель исполнил все, что знал. К тому же должны стремиться и мы. Для этого и даются нам уроки святости, без которой, по слову Апостола Павла, «никто не узрит Господа!» (Евр. XII, 14).

А. Крашенинников

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И РИМ¹

I

В XVI веке идея организации антитурецкой коалиции под верховным руководством папы римского еще не теряла своей актуальности. Великий князь (а с 1547 года царь) московский считался весьма желательным участником этой коалиции. Но в то время, как сам Московский великий государь вполне основательно полагал, что вхождение его в антитурецкую христианскую лигу не должно ни в какой степени затрагивать церковно-вероисповедный вопрос, в Риме рассматривали дело по-иному. По мысли папы, великий князь Московский, участвуя в союзе христианских государей, тем самым должен был признать и власть папы над Русской Церковью в духе постановлений Флорентийского собора.

Но в XVI веке в жизни самой Римско-католической Церкви произошли события, которые, не ослабив пропагандистской энергии римского двора, заставили его—по условиям пространства и времени—несколько изменить самый метод своей работы. По характеристике одного крупного историка реформационного движения в Западной Европе, «XVI и первая половина XVII века в истории европейского Запада составляет особый период, вполне заслуживающий названия реформационного, так как основным его фактором является религиозная реформация...»².

В нашу задачу не входит описание ни широты, ни глубины реформационного движения XVI—XVII веков, которое имеет достаточно обильную литературу. Нас интересуют ближайшие результаты развития этого движения. Прежде всего они выявились в распадении католического единства Западной Европы и в появлении новых вероисповеданий. Из ограды римской церкви ушло много духовных овец; от папской власти освободились многие протестантские государи, в подчинении которых оказалось местное духовенство по принципу «*сuius regio, ejus religio*». Секуляризация церковно-монастырских земель увеличила земельные государственные фонды.

Реформация застигла Рим врасплох. Но скоро папство пришло в себя, оправилось от первого удара и перешло в наступление еще тогда, когда особенно интенсивно развивал свою деятельность кальвинизм.

В самой католической церкви реформация вызвала движение, которое в литературе называется иногда «католической реакцией», а иногда «контр-реформацией», в зависимости от того, перу какого автора принадлежит данное произведение. В целях борьбы с реформационным

¹ Данная статья является вторым очерком на тему: «Русская Православная Церковь и Рим» и охватывает вторую половину XVI в. и начало XVII века.

² Кареев, Н. И., История Западной Европы в новое время, т. II, изд. 4, СПб, 1898, стр. 1.

движением, в 1540 году был учрежден иезуитский орден. А в 1542 году в Риме было организовано верховное инквизиционное судилище, введена была строгая цензура над выходящими в свет книгами и одновременно был создан в Триденте церковный собор, который должен был точно формулировать вероучение Римско-католической Церкви, устранить ряд положений, могущих вызвать (и вызывавших) соблазн среди верующих (напр., индульгенции), и приостановить дальнейший рост реформационного движения³. Тридентский собор должен был возродить католическую церковь, оставив, однако, неприкосновенной всю ее прежнюю систему. Право толковать постановления собора принадлежало только одному папе.

В качестве действительно нового средства борьбы со всякого рода ересями Римско-католическая Церковь выдвинула иезуитский орден. Монашеские ордена в католической церкви существовали и раньше, действовали они и после учреждения иезуитского ордена, но это были обычного типа монашеские организации, принимавшие на себя — дополнительно к обычным монашеским обетам — некоторые особые обязательства, например, школьное обучение молодежи, помощь больным и увечным и т. д. Но иезуиты представляли многочисленную корпорацию, объединенную под управлением своего генерала. Члены иезуитского ордена были рассеяны по всем западно-европейским государствам в разных ролях: дипломатических советников, королевских духовников, школьных учителей, проповедников, писателей и т. д. Они были посвящены во все тайны внешней и внутренней политики. «Никакой монарх в свете, говорится в одном памятнике середины XVII ст., не может иметь таких сведений, как генерал иезуитов»⁴. Эта фраза не является преувеличением. К генералу ордена шли ежемесячные донесения начальников отдельных иезуитских провинций («провинциалов»), отчеты и рапорты ректоров иезуитских коллегий, начальников иезуитских резиденций и т. д. Главы иезуитского ордена не только собирали нужные им сведения, но и стремились использовать их *ad maiorem Dei gloriam*. Функции членов ордена были разнообразны, поэтому и состав их был не одинаков: среди них мы видим и тонких расчетливых политиков, и бессердечных эгоистов, и слепых фанатиков, готовых идти на мучения и мучить других. Устав требовал от членов ордена приспособления к обстоятельствам и к настроению власть имущих. В религиозных делах иезуиты могли и должны были приспособляться к верованиям и обычаям тех народов, среди которых приходилось им действовать, довольствуясь иногда чисто внешним присоединением их к Римско-католической Церкви. Главными средствами, которыми оперировали иезуиты, были дипломатия и школа. Разумеется, иезуиты не останавливались и перед другими средствами, считая, что все они хороши, раз ведут к одной общей цели.

В период боярской олигархии, за время малолетства Грозного (1533—1547 г.), мы не видим со стороны Рима попыток завязать сношения с Московским правительством, во-первых, потому, что само правительство еще не обладало устойчивостью; во-вторых, Рим занят был внутренними делами в связи с развитием реформационного движения. Поэтому, на открывшийся в 1545 году Тридентский собор русские представители приглашены не были. В 1547 году собор закрыл свои заседания и возобновил их только в 1551 году. В это время произошли крупные политические события в Московском государстве. 16 января 1547 года молодой великий князь Иван Васильевич венчался на царство;

³ Всех сессий собора было три: 1545—1547 гг., 1551—1552 гг. и самая главная — с начала 1562 по конец 1563 г.

⁴ Кареев Н. И., цит. соч., стр. 262.

боярская олигархия прекратила свое существование. В 1550 году новый папа Юлий III через своих послов гр. Герберштейна и некоего Штемберга обратился к царю Ивану с предложением вступить с ним в переговоры⁵. Ответа на это приглашение не последовало. В сентябре 1561 г. папа предложил русскому правительству прислать нескольких молодых людей для обучения их латинскому языку, а также догматам и обрядам Римско-католической Церкви. Одновременно с этим папа приглашал русское правительство принять участие, через специально назначенных лиц, в работах Тридентского собора, открывшего свои занятия в январе 1562 года. Не последовало ответа и на эти предложения. Но энергия Рима не ослабевала, хотя обстоятельства не благоприятствовали осуществлению его замыслов. В 1558 году царь Иван начал войну с Ливонией за выход к берегам Балтийского моря; в скором времени (1561 г.) эта война превратилась в войну за Ливонию с рядом государств. Особенно напряженной была война со Швецией. События внешне-политические осложнялись событиями внутренними. Начались боярские заговоры, которые находили поддержку у правительства Сигизмунда-Августа. Набег на Московское государство крымских татар в 1571 г., как устанавливается некоторыми данными, происходил не без соответствующего воздействия польско-литовского правительства. Между тем Рим не выпускал из поля своего зрения Московское государство и посредником в своих сношениях с ним сделал папского нунция в Польше (Викентия дель Портико). Последний получил задание примирить короля Сигизмунда-Августа с царем Иваном IV. Нунций должен был убеждать царя Ивана войти в союз с другими европейскими государствами с целью исторгнуть Святую Землю из рук неверных; царь Иван должен согласиться принять присланных папой католических священников; за это папа обещал предоставить ему королевский титул.

Примирение с Московским царем, имевшим военный успех в Ливонии и владевшим г. Полоцком, не входило в планы короля. Не могла улыбаться ему и антитурецкая лига, ввиду возможности использования крымских сил для борьбы с Московским государством. Сигизмунд-Август соглашался лишь на то, чтобы папский нунций сносился с царем Иваном только по религиозным вопросам. Само собою понятно, что это сводило на нет миссию папского нунция.

Между тем, 25 мая 1571 г. папою Пием V, императором Филиппом II и венецианским дожем была закончена очередная (тринадцатая по счету), антитурецкая лига. Папа был заинтересован в привлечении к этой лиге и обоих враждующих правителей — Сигизмунда-Августа и Ивана IV. Однако, можно думать, что последнее не входило в план короля. Не без соответствующего воздействия на нунция решено было предварительно узнать есть ли смысл привлекать к антитурецкой лиге Московского царя, о нравах и действиях которого ходили самые неблагоприятные слухи. В это время в Польше оказался уроженец Померании, некий проходимец, Альбрехт Шлихтинг. Он попал было в плен в Московское государство, прожил там около 7 лет, соприкасался с опричниками, бежал в Польшу и здесь составил свои воспоминания о том, что он видел в Москве. Шлихтинг не щадил ярких красок и тенденциозно и лживо обрисовал в самом неприглядном свете и опричнину и самого царя Ивана. Папский нунций не замедлил доставить это «произведение» в Рим. В результате этого папа Пий V писал 30 ноября 1571 г. королю следующее: «Мы отказываемся окончательно от всякого дела с Москвой, вследствие сведений, полученных нами об образе жизни царя...» Нунцию Портико папа писал: «Откажитесь от мысли

⁵ *Historica Russiae monumenta*, t. I, pp. 139—141.

ехать в эту страну, хотя бы король польский и одобрил вашу поездку и способствовал ей, ибо мы не желаем входить в сношение с нацией, столь жестокой и варварской»⁶.

II

Но решение папского двора игнорировать Московское государство было весьма непрочным. Уже преемник Пия V, папа Григорий XIII, снова начал попытки сближения с царем Иваном IV. При папе Григории XIII римская пропаганда принимает уже организованный характер. По его инициативе в Риме создается ряд коллегий, в которых должны были получать образование и воспитание в духе Римско-католической Церкви юноши различных национальностей.

По окончании учебы, эти молодые люди должны были распространять католичество у себя на родине. Среди этих коллегий нас больше всего интересует греческая коллегия имени св. Афанасия Александрийского, учрежденная 28 марта 1577 г.

По плану ее основания, Афанасьевская коллегия должна была готовить пропагандистов католичества не только среди православных греков, но и в других странах Востока (*in ipsa Graecia et totius Orientis partibus*)⁷. Не трудно догадаться, какие другие страны Востока имел в виду папа. Вскоре же, после открытия Афанасьевской коллегии, папский нунций в Польше (Лаурео) получил от папского секретаря (Комо) задание отобрать в коллегия 5 или 6 способных мальчиков из русских и православных, подданных Польско-Литовского государства, и столько же мальчиков из Московского государства, из числа попавших в плен в происходившую войну. Добровольцев, молодых людей, желавших ехать в Рим для образования, не оказалось. Только через год папский нунций с трудом отыскал троих молодых людей, из которых один был из числа пленных⁸.

Возлагая на Афанасьевскую коллегия большие надежды, папа Григорий XIII пытался наладить и непосредственные сношения с Московским царем. В 1576 году задача склонить царя Ивана к унии с Римом и к антитурецкой лиге была возложена на некоего ученого богослова Кленхона. Но посольство это почему то не состоялось⁹.

Особенно активизировалась папская пропаганда в России в начале 80-х годов XVI столетия, когда развивал свои наступательные действия новый польский король Стефан Баторий. В Москве учитывали то обстоятельство, что Баторий встречает поддержку со стороны римского двора. Царь Иван решил было добиться при содействии папы прекращения военных действий со стороны Батория. 25 августа 1580 года для предварительных переговоров был послан в Рим некто Истома Шевригин в сопровождении толмача (переводчика) Федора Поплера. В инструкции Шевригину строго наказано не касаться вероисповедных тем. Единственно, что предлагал царь Иван — это участие в антитурецкой лиге. Дружественные отношения Москвы с Римом могли выражаться и в том, что венецианским и другим торговцам давалось право проезжать через русскую территорию в Персию. Рим добивался этого, потому что с купцами направлялись и миссионеры.

В Риме не замедлили ответить на обращение царя Ивана. В конце мая 1581 года был назначен официально для примирения царя Ивана

⁶ «Русская старина» 1903, декабрь, стр. 670.

⁷ *Magnum Bullarium Romanum*, t. II, p. 439.

⁸ Ф. Вержбовский, *Отношения России и Польши в 1574—1578 гг.* («Журнал Мин. Нар. Просвещ.» 1882 г., август, стр. 238, 239—241).

⁹ Толстой Д., *Римский католицизм в России*, стр. 24—25.

с Баторием, а неофициально для водворения в России католичества иезуит Антоний Поссевин (или Поссевино)¹⁰. Это был многосторонне образованный человек, владевший словом и пером, очень хитрый, упорно добивавшийся своей цели любыми средствами. Две задачи он считал для Рима первоочередными: 1) порабощение турок объединенными силами христианских государей под верховным руководством папства и 2) упрочение католичества в восточных странах. Обе эти задачи объединялись и приводили к одной цели — победе папства над полумесяцем и восточной схизмой. Не трудно видеть, что в лице иезуита Антония Поссевина папский престол выдвинул действительно сильное орудие, однако, разбившееся о русский гранит.

Поссевин получил от папы секретную инструкцию повести дело таким образом, чтобы царь почувствовал, что миром с Польшей он обязан Риму. Затем Поссевин должен был внушить царю Ивану мысль о необходимости для него войти в блок с другими европейскими государствами для борьбы с турками. После этого Поссевин должен был перейти уже к вероисповедным вопросам и доказать царю Ивану, что для тесного политического союза в борьбе с турками необходимо и духовное единение между участниками его, а это может быть осуществлено только при условии признания церковного главенства римского папы. В качестве церковно-канонического обоснования папского приматства Поссевин должен был сослаться на Флорентийский собор, на котором папу признали главой церкви и восточные епископы и византийский император. В качестве *argumentum ad hominem* Поссевин должен был указать царю Ивану, что зависимость от Константинопольского патриарха, данника турецкого султана, не соответствует достоинству его державы и лично его самого. Наконец, Поссевин обязан был исходатайствовать разрешение на постройку в Москве нескольких или, в крайнем случае, одной католической церкви.

Поссевин 18 августа 1581 года прибыл в Старицу, где в то время находился царь Иван. Прием, оказанный папскому представителю, нисколько не отличался от приема других представителей иностранных государей. Через два дня Поссевин представился царю Ивану и вручил ему папскую грамоту. Содержание этой грамоты сводилось к следующему. Папа Григорий XIII приветствует намерения царя Ивана Васильевича вооружиться против неверных, но считает, что для единодушного действия с другими христианскими государями против неверных русский царь должен подчиниться папе, как церковному главе. За это царь Иван получит от него, папы, и от всех христианских государей все, чего только он пожелает.

Поссевин вскоре же после своего приезда вступил в переговоры и с думными людьми и сразу же поставил вопрос о соединении Церквей. Но уполномоченные царем для переговоров с Поссевином лица получили строгий наказ не касаться церковно-вероисповедных вопросов, а заниматься исключительно ливонскими делами.

1 сентября 1581 года Поссевин подал записку царю Ивану, в которой, повторяя свои прежние предложения о соединении Церквей, доказывал, что соединение не вызовет перемены в обрядах Русской Церкви, а между тем оно необходимо для политического союза христианских государей. Кроме того, Поссевин просил, чтобы царь Иван в своей ответной грамоте папе Григорию XIII именовал его наместником Христа. Записка эта, как и все предыдущие предложения о вере, осталась без ответа.

¹⁰ Подробнее о Поссеvine см. работу П. Пирлинга «Posseviniana» «Русская старина», декабрь 1903 года, стр. 639—650; и в его «Исторических статьях и заметках», СПб, 1913, стр. 1—36).

Только 10 сентября Поссевин получил уклончивый ответ, что царь поговорит с ним о вере, когда Поссевин вернется от Батория. По вопросу о союзе с христианскими государями против турок царь Иван заметил Поссевину: «Какой возможен теперь союз с христианскими государями против неверных? Мы вооружимся против турок, а Баторий пойдет на нас!»

Таким образом дальнейший успех миссии Поссевина зависел от того, насколько он справится со своей дипломатической задачей. 14 сентября Поссевин выехал из Старицы в лагерь Батория, оставив в Москве своими поверенными — иезуитов Стефана Дреноцкого и Михаила Мариена, которые внимательно должны были следить за событиями и настроениями в Москве и тщательно вести записи своих наблюдений. Эти лица должны были избегать встречи с митрополитом и уклоняться от него, что могло бы, так или иначе, оскорбить религиозное чувство москвичей или вызвать с их стороны какие-либо волнения. О религиозных предметах они просто не должны были рассуждать, ссылаясь на свою некомпетентность¹¹.

Дипломатические старания иезуита Поссевина увенчались успехом. В январе 1582 г. у Яма-Запольского было заключено десятилетнее перемирие между Польско-Литовским и Московским государствами. 14 февраля 1582 г. Поссевин вернулся в Москву и, естественно, стал претендовать на компенсацию за свои услуги¹². 18 февраля Поссевин снова поднял вопрос о союзе против турок, соединения вер, о посылке молодых людей в Рим для образования, о праве проживать в Москве католическому духовенству и об изгнании из Москвы лютеран. При этом он добивался личной беседы с царем по всем затронутым вопросам.

Хотя Поссевина принимали приветливо и с почетом, но умный иезуит скоро понял, что особой благодарности к нему Московское правительство не чувствует. В Москве понимали, что на уступчивость Батория повлияли не доводы иезуита Поссевина, а героизм псковичей, стойко защищавших осажденный город и не пускавших Батория ни на шаг вперед. Но тем не менее, опасаясь соответствующего воздействия на Батория со стороны римского двора, правительство царя Ивана не отказывалось вести переговоры с Поссевином.

Первая беседа царя с Поссевином была назначена на 21 февраля. Поссевин добивался, чтобы эта беседа происходила у него с царем один на один, но потом согласился вести беседу в присутствии бояр. Царь начал беседу с того, что ему уже 51 год, и что он не изменит вере, в которой родился. Поссевин заметил, что папа римский не предлагает ему переменить старую греческую веру, а только восстановить ее в древней чистоте и признать то единство Церквей, которое было признано на Флорентийском соборе греческим императором и русским митрополитом. Чтобы более воздействовать на Ивана Васильевича, Поссевин прибавил, что в случае признания им главенства папы и соединения с другими государями, он займет не только Киевский, но и даже Константинопольский престолы. На это Грозный ответил, что для него довольно и своего государства и что без благословения митрополита и всего священного собора говорить ему о вере не пригоже.

¹¹ Текст этой инструкции в «Supplementum ad historica Russiae monumenta», СПб, 1848, р. 9.

¹² Во время мирных переговоров посредник-иезуит держал себя пристрастно, отставая интересы короля-католика. В то же время преувеличенно подчеркивал, что будто бы он радеет о пользе московского царя. В письмах к Грозному, желая запугать его, Поссевин настойчиво твердит о силе Батория. В интересах католической церкви Поссевин желал, чтобы вся Ливония оставалась за Баторием. Царь Иван смотрел на Ям-Запольское перемирие, как на временную передышку, и русские послы в момент заключения его вели в Англии переговоры о новой войне с Польшей.

Спор о вере готов был прерваться. Но Поссевин умолил царя продолжать беседу. Грозный перевел речь на обрядные различия восточных и западных церквей. Он упрекнул Поссевина за брадобритие духовенства, с негодованием указав на то, что папу носят на престоле, целуют ему туфлю, на которой изображен крест. Иезуит стал отводить эти упреки, заявив, что борода у него вообще не растет, а папе воздается честь, как сопрестольнику Петра и Павла. «Вот и ты — великий государь в своем государстве, — обращается Поссевин к царю Ивану, — и как нам вас, великих государей, не славить и в ноги не припадать?» При этом Поссевин низко, почти в ноги, поклонился царю. Этот прием не произвел желательного впечатления. Иван Васильевич продолжал нападать на гордыню пап, которые забыли об евангельском смирении. При этом у Грозного вырвалась фраза: «Который папа живет не по Христову учению и не по апостольскому преданию, тот папа волк, а не пасть!» На это Поссевин заметил: «Коли уже папа волк, то мне и говорить нечего». Поссевин замолчал. Царь Иван спохватился, что он допустил резкость, напомнил Поссевину, что он и раньше предупреждал, что в разговорах о вере без обидных слов не обойтись, и стал заверять Поссевина, что волком он назвал не нынешнего папу Григория, а того, кто живет не по учению Христову и не по апостольским преданиям. Собеседники расстались внешне миролюбиво¹³.

Через два дня (23 февраля) происходила вторая встреча Поссевина с царем Иваном Васильевичем. Напуганный резким поведением царя Ивана во время первой беседы, Поссевин, отправляясь во дворец, причастился сам и причастил своих спутников, ожидая печального исхода от этой встречи. Но Грозный очень приветливо встретил Поссевина и даже просил его не писать папе о том, что произошло в прошлый раз. По поручению царя, бояре просили Поссевина изложить в письменном виде отличие Православной Восточной Церкви от Римско-католической. Устные рассуждения о вере уже не велись¹⁴. Поссевин немедленно написал и представил царю Ивану Васильевичу рассуждения о различии веры восточной и западной, в которой доказывал превосходство католичества над восточным Православием, написал специальный трактат об исхождении Св. Духа и от Сына и, наконец, сделал возражение на поданное царю Ивану Васильевичу английскими купцами сочинение, переведенное на русский язык, в котором доказывалось тождество римского папы с антихристом¹⁵.

4 марта Поссевин имел еще одну (уже третью по счету) беседу с царем и вручил ему свою рукопись о различии между верами католическою и православною. После этой беседы царь предложил было Поссевину побывать в Успенском соборе и посмотреть митрополичье богослужение. Но Поссевин уклонился от этого посещения¹⁶.

Вскоре Антоний Поссевин был отпущен из Москвы. С ним отправлены были к папе гонцы — Яков Молвянинов с подъячим Тишкой Васильевым. Они повезли с собой ответную грамоту папе и подарки, состоявшие из собольих мехов.

Повезли с собою названные лица и царские грамоты к королю польскому, императору, австрийским герцогам и венецианскому дожу. В грамоте папе Григорию XIII царь Иван Васильевич говорил о своей готовности заключить с ним и с другими государями союз против мусульман. В наказе Якову Молвянинову имеется любопытный пункт:

¹³ Supplementum ad historica Russiae monumenta, op. cit., XXXIII, pp. 100—106. Ф. И. Успенский, Сношения Рима с Москвой, «Журнал Мин. Нар. Просв». 1885 г. август и сентябрь; Толстой Д., Римский католицизм в России, стр. 41—55.

¹⁴ Supplem. ad historica Russiae monumenta, op. cit., XXXIV, pp. 106—107.

¹⁵ Там же, XXXV, pp. 108—110.

¹⁶ Там же, XXXVI, pp. 111—120.

«Если папа, или его советники будут говорить, что государь ваш назвал папу волком и хищником, то отвечайте, что о том не слыхали». Из этого можно видеть, что ссориться с папой Иван Васильевич пока не желал. С неутешительными впечатлениями, должно полагать, уезжал из Москвы и иезуит Антоний Поссевин. Ему пришлось убедиться в непоколебимой преданности русского народа православной вере и в его сильной неприязни к латинству. Иван Васильевич являлся истинным представителем русского народа. Следуя своему лозунгу, что вера дружбе не помеха, русское правительство не отказывалось от участия в анти-турецкой коалиции, но отнюдь не намерено было связывать это участие с переходом Русской Церкви под власть римского папы.

III

Посольство Поссевина в Россию не представлялось римскому двору безрезультатным. Хитрый иезуит высмотрел все на месте, познакомился с бытом, нравами и настроением московских правителей и боярской знати. Едва только скончался царь Иван, как папа Григорий XIII снова решил было отправить Поссевина в Москву с напоминанием, что миром с Баторием его отец обязан папским заботам. Поездка эта, однако, не состоялась. Преемник Григория XIII, папа Сикст V, также собирался (в 1586 г.) послать Поссевина в Москву, но и это посольство не состоялось.

Папство попрежнему не покидало мысли о ликвидации Турецкой империи и с этим неразрывно связывало идею подчинения себе Русской Церкви. Папа Климент VIII возлагал особые надежды на поездку в Россию (в 1594 г.) католического священника Камулея, владевшего русским языком. Успеха эта поездка не имела. В 1597 г. Камулей должен был снова ехать в Москву. Он был принят хорошо, но никаких успехов не добился. Безрезультатными оказывались и другие попытки иезуитов обосноваться в России.

Более широкое поле деятельности в России развернулось для папского престола в начале XVII в. в связи с процессом польско-шведской интервенции. Положение дел в Московском государстве в это время осложнилось. В связи с экономическим кризисом обострились классовые отношения: началась крестьянская война. Обострились отношения между новым правительством Бориса Годунова и боярской знатью. Осложнились и военно-политические отношения. Назревал новый конфликт с Польшей. Пошли разговоры о якобы спасшемся в Угличе царевиче Димитрии, который укрывается где-то в Польше. Скоро слухи подтвердились. В Польше оказался «царевич». Активная роль в деле выдвижения первого самозванца польского правительства и шляхты достаточно хорошо раскрыта в исторической науке.

Но самозванец интересовал не только польское правительство и шляхту. В не меньшей мере им интересовался и папский престол. Брагин — Вишневец — Самбор и Краков — вот первые этапы зарубежной самозванщины; Адам и Константин Вишневецкий и Самборский староста Юрий Мнишек — первые покровители Лжедмитрия I. Но без содействия польского правительства самозванческая авантюра не смогла бы развиться до крупных размеров, а задачу воздействовать на короля Сигизмунда взяло на себя католическое духовенство. Глава католической церкви в Польше кардинал Бернард Мацейовский был двоюродным братом пана Юрия Мнишка. Очень интересовался делом «царевича» Виленский епископ Бенедикт Война. Вне всякого сомнения, зорко наблюдал за текущими событиями и папский нунций в Польше Клавдий Рангони. Самозванец неоднократно писал Рангони о своем деле, а нун-

ций аккуратно отправлял эти письма в Рим. Папа Климент VIII сначала недоверчиво относился к делу самозванца, а чудесное спасение его он считал вымышленным. Но устоять против заманчивой перспективы распространить и в России церковную унию, недавно (в 1596 г.) введенную в Польско-Литовском государстве, Рим, конечно, не мог. События были еще потому, что «царевич» прямо выражал намерение перейти в католичество. Началась оживленная переписка между Самбором и Краковом, с одной стороны, и Краковом и Римом — с другой. Рангони перешел от наблюдений к действиям. 13 марта 1604 г. в краковском дворце Мнишек производил прием гостей в честь «царевича». Среди гостей находился папский нунций Рангони. В новом донесении в Рим Рангони явно пристрастен к царевичу. В его манерах, речах, поступках и, даже, в наружности Рангони обнаруживает следы высокого происхождения. Результаты на лицо. Самозванец принят королем. Среди лиц, присутствующих на королевской аудиенции, — виленский епископ Бенедикт Война и тот же Рангони. Через несколько дней — парадный прием у Рангони. Самозванец благодарит за ходатайство перед королем и просит о таком же ходатайстве перед папским престолом. При этом он обещает выступать заодно с другими государями Западной Европы против Турции и глубокую преданность папе. Нунций хвалит намерение самозванца, но тут же добавляет, что ему пора исполнить свое основное обещание. Лжедмитрий не заставил себя долго ожидать и скоро стал католиком.

Очень трудно проследить первые встречи самозванца с иезуитами. Есть основания думать, что они начались вскоре же после приезда самозванца в Краков. Через Краковского воеводу Зебжидовского, возможно, что и в его доме, самозванец познакомился с иезуитами Гродзицким и Савицким. Через их посредство у самозванца установились более открытые отношения и с Рангони. В католичество самозванец был обращен, повидимому, 24 апреля 1604 г. в квартире нунция Рангони. Тут же самозванец вручил нунцию послание к папе Клименту VIII, в котором, выражая свою радость по поводу присоединения к Римско-католической Церкви, обещает ввести унию в Московском государстве, когда он займет отцовский престол.

В середине августа 1604 г. самозванец, окруженный польской шляхтой, выступил в поход. Его сопровождали два иезуита — Николай Чировский и Андрей Лавицкий. Задержать продвижение самозванца к Москве было трудно, ввиду непопулярности царя Бориса, а затем — его сына Федора. Бояре постарались использовать самозванца как орудие расправы с Годуновым. Престарелый и полуслепой Патриарх Иов тщетно рассылал послания, предупреждавшие русский народ об опасности. В Туле самозванца встречал звоном архиепископ-грек Игнатий. 20 июня 1605 г. самозванец вступил в Москву. Из правительственных учреждений были удалены все сторонники и родственники Годунова. Был лишен престола Патриарх Иов, которого сменил грек Игнатий. Однако, положение Лжедмитрия было непрочным. Очень скоро пошли слухи о его самозванстве. Положение Лжедмитрия было затруднительным и в том отношении, что с его именем связывались большие надежды польско-литовского правительства, у шляхты и у Римского двора. Обещать было легче, чем исполнить обещание. Самозванцу приходилось скрывать и свое католичество. Оба иезуитские патеры, Чировский и Лавицкий, должны были запустить бороды и носить духовную одежду восточного образца. Новый папа Павел V, поздравляя самозванца с успешным вступлением на престол, увещевает его сохранить свое католическое вероисповедание. Папский нунций Рангони, радуясь успехам самозванца и выражая ему самые лучшие пожелания, напоминает о необходимости безотлагательно ввести в Московском государстве

церковную унию. Самозванец в своих письмах к папе подписывается «послушнейшим сыном» его, но понимает, что даже разговоры об унии в Москве вызовут решительное противодействие, не говоря уже о том, что за это он может поплатиться престолом.

Патриарх-грек Игнатий, хотя и склонен был поддержать замысел своего патрона, но остался бы тоже в одиночестве и, безусловно, не удержался бы на патриаршестве. Казанский Митрополит Гермоген, Новосибирский Митрополит Исидор, Коломенский епископ Иосиф и некоторые другие иерархи Русской Православной Церкви не поддерживали бы Игнатия. Пока что самозванец ограничивался обменом письмами с папой и посольством к нему своего друга иезуита Лавицкого. Чтобы установить непосредственную связь с московским правительством, минуя польского нунция, из Рима был отправлен в Москву, в качестве папского посла, иезуит Александр Рангони, племянник уже известного нам нунция Клавдия Рангони. В феврале 1606 г. он прибыл в Москву и был ласково встречен самозванцем, который оставшись наедине с ним, извинялся, что прием был все же суховатый из-за опасения возбудить кривотолки со стороны бояр. Только в начале мая 1606 г., когда вместе с Мариной прибыло в Москву значительное количество вооруженной польской шляхты, самозванец сделался несколько развязнее. В свите Марины прибыл и прежний наставник самозванца иезуит Савицкий. Начались тайные беседы самозванца с преданным его другом. Савицкий получил право являться к самозванцу в любое время. За два дня до гибели самозванца в домашней обстановке патер-иезуит и его высокопоставленный ученик обсуждали вопрос об организации в Москве иезуитской коллегии.

События в ночь с 16 на 17 мая прервали осуществление замыслов папского двора в отношении Русской Церкви, как прервали они и замыслы польской шляхты в отношении Русского Государства.

Ликвидация Лжедмитрия являлась, несомненно, крупным поражением папской агрессии на русском православном Востоке. Не приходится сомневаться, что ни папский нунций в Польше, ни Климент VIII, ни Павел V нисколько не верили в подлинность Лжедмитрия. Самозванец нужен был Риму, как средство к достижению определенной цели, а «цель оправдывает средства».

Через несколько времени в Тушинском лагере под Москвой оказался новый самозванец — Лжедмитрий II. Иезуиты были заинтересованы и этим лицом. Для него была составлена специальная инструкция, одно беглое знакомство с которой безошибочно дает возможность установить автора, или авторов ее... Католическое духовенство и, в частности, иезуиты вдохновляли открытую польскую интервенцию в 1609 г.

Ставка интервентов и папского престола оказалась битой. Русский народ под руководством Кузьмы Минина и Д. М. Пожарского освободил свою Родину от захватчиков. Большая заслуга в этом деле, как всем хорошо известно, принадлежала и Церкви, в лице Патриарха Гермогена, троицкого архимандрита Дионисия, Митрополита Новгородского Исидора, архиепископа Рязанского Феодорита, архиепископа Еласонского Арсения и многих др. лиц.

Сделаем несколько выводов из сказанного.

1. В католической церкви в XVI веке произошли большие перемены. Развитие реформационного движения на время отвлекло внимание римского двора от Православного Востока. Но, оправившись от первых ударов, папство на Тридентском соборе собрало свои силы и в лице иезуитского ордена перешло на наступление и на Западе и на Востоке.

2. В своей экспансии на русский православный Восток папы в XVI веке желают опереться на государственную власть, полагая, что церковные власти и народная масса пойдут за своими правителями.

3. Со второй половины XVI века орудием папской пропаганды стал иезуитский орден, а средством этой пропаганды — дипломатия и школа.

4. Однако и в этом отношении опыты Рима оказались безрезультатными. Русское правительство держало себя независимо и не шло на ухищрения папских посланников.

5. В начале XVII века папство приняло участие в самозванческой авантюре и показало полную неразборчивость в средствах для своих захватнических целей. Разгром польской шляхетской интервенции был провалом и папской экспансии.

В. Никонов

РУССКО-СЕРБСКИЕ ЦЕРКОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

(Очерки из истории русско-балканской дружбы во Христе)

Как известно всякому церковному читателю, просвещение Христовым учением народов Балканского полуострова пришло из Византии.

По свидетельству греческих литературных источников, первый этап обращения сербов в христианство относится к 40-м годам VII века, т. е. ко времени, когда у сербов еще не было никаких признаков своей государственности. Византийский император Ираклий — как говорят источники — обратился к папе римскому с просьбой о присылке священников для крещения сербов, поселившихся на западно-византийских землях.

Профессор Е. Е. Голубинский (в «Кратком очерке истории Православных Церквей: Болгарской, Сербской и Румынской», стр. 444—445) справедливо указывает, что при Ираклии к истинной вере была обращена лишь некоторая часть сербского населения, подчиненная окормлению епископов римского диоцеза. Впрочем, в первой половине VIII века сербы-христиане перешли в ведение Константинопольского Патриарха. Количество христиан постепенно увеличивалось; разделение Церквей (1054 г.) не привело к окатоличению сербской паствы: она целиком осталась православной.

Начало истории Сербской Церкви относится к периоду уже сложившейся сербской государственности: в 1219 году св. Савва, младший брат короля («кряля») Стефана был, с согласия Константинопольского Патриарха, возведен на кафедру архиепископа Сербского. «Благодаря этой важной уступке со стороны греческой иерархии — как авторитетно утверждает академик Ю. В. Готье («Образование Сербского государства» — «Славянский сборник», изд. 1947 г., стр. 12) — была создана Сербская национальная Церковь, что было равносильно признанию политической независимости страны».

Биография святого основоположника Сербской Церкви уже некоторыми важными подробностями «перекликается» с Русью. Восемнадцатилетним юношей он отказывается от дарованных ему отцом крупных владений и в сопровождении русского инока (неизвестного по имени) тайно уходит на святую Афонскую гору и там, в русском же Пантелеймоновском монастыре, принимает монашеский постриг малого образа и проходит первые стадии иноческого подвижничества.

До конца XIV века русско-сербские церковные связи не находят подробного отражения в дошедших до нас документах и материальных памятниках. Это вполне понятно: распавшаяся на множество удельно-феодалных княжеств, обессиленная кровавыми межусобицами, Русь в 1237—1240 гг. попала под тяжелое ярмо татаро-монгольской Золотой Орды. Возможности сношения Руси со странами Балканского полуострова предельно сузились.

Правда, и в самые тяжкие годы не заросли травой тропинки на путях от русских земель к святой Афонской горе и к величайшим святыням Святой Земли — Палестины. Тропы эти частично пролегали и через Сербию. Афонская гора, по словам новейшего исследователя проф. М. Н. Тихомирова («Исторические связи русского народа с южными славянами» в «Славянском сборнике», изд. 1947 г., стр. 170—171), была подлинным международным центром Православного Востока, где русские встречались с греками, болгарам и сербами. Более того, путешествия русских на Афон, несмотря на невероятные трудности пути, были в то время «явлением обычным».

Русский православный человек не забудет, в частности, такого факта, как принятие в 1349 г. сербским царем Стефаном Душаном под свое особое покровительство русского Афонского Пантелеймоновского монастыря. Из многих, хотя и крайне отрывочных свидетельств, нам известно, что в тяжкие годы татарской неволи сербы и болгары снабжали Русь церковно-богослужебными книгами.

Как известно, при царе Стефане Душане (1331—1355 гг.) Сербское государство достигло высшего предела своего могущества: оно представляло серьезную угрозу самому существованию Византии, Венгрии и других европейских стран.

При Стефане Душане и по его прямой инициативе Сербская Церковь стала вполне автокефальной; ее первосвященник-архиепископ в 1346 г. был провозглашен патриархом. Но Константинопольский Патриарх объявил сербскую иерархию отлученной от Церкви; лишь в 1371 году, на базе взаимных уступок, схизма была снята, титул же патриарха надолго сохранился за сербскими первосвященниками.

После смерти Душана начинается быстрый феодальный распад государства. Из глубины же Азии двинулись на Балканы страшные турецко-мусульманские орды. Героически сопротивлялся доблестный сербский народ напору превосходящих сил противника. Но «сила соломѣ ломит», да и многие из вѣщих имущих «продали шпаги свои» (а «крѣль южной Сербии» Марко даже сражался в рядах турок против своего народа) — и 15 июня 1389 года на веки вошло в историю, как день национального траура: на Коссовом поле сербское войско потерпело поражение, и свободолюбивый народ был поработен турками-османцами.

Управлять страной султаны поручили «деспотам» сербской национальности (это был древний прообраз марионеточных «правительств», насаждавшихся несколько лет тому назад Гитлером, а позже англо-франко-американским империалистическим блоком). Но в 1479 году турки ликвидировали даже марионеточную автономию.

Сербский народ продолжал борьбу с угнетателями всеми возможными средствами и способами.

С начала XV века приходит новый этап многосторонней русско-сербской взаимной дружбы во Христе.

*
* * *

Чем были для Руси и русского народа годы пятнадцатого — семнадцатого столетий? — Растерзанная, измученная и чужеземным ярмом и княжескими межусобными распрями Русь обретает новое державное сердце: из исторического небытия выходит на широкий исторический горизонт «городок» Москва. К ней, в поисках единства, желанного, как воздух, тянутся грады, посады, веси, деревни и починки русские. Объединение Руси ускоряется интересами борьбы с татаро-монгольскими захватчиками и с внутренним врагом — удельным раздроблением.

И вот на грани XV—XVI веков мир увидел могучее Русское национальное централизованное государство, сбросившее чужеземное иго. Занимая огромные пространства на восточно-европейской равнине и простираясь за Урал, Русь при Иване Грозном превращается в многонациональное государство.

Могучим подъемом своих неисчерпаемых народных сил страна в начале XVII века вышла победительницей из боевой брани с сильными западно-европейскими интервентами. Россия остается единственной в мире православной страной, сохранившей государственную независимость. Более того, она становится оплотом вселенского Православия, хранительницей его догматической чистоты; за ней молчаливо, но доволно многозначительно, признается право защиты вероисповедных интересов православных в иноверных странах.

В течение XV—XVII веков не было ни одного случая отказа в помощи единоверным братьям-славянам, когда помощь была особенно необходимой. При этом отметим, что бескорыстная и без всяких расчетов на компенсацию всесторонняя поддержка славян была оказываема даже в годы, когда сам русский народ терпел большие лишения. Действительно, «друг познается в несчастьи».

Напомню читателю факт, часто и несправедливо забываемый: приют и гостеприимство, оказанное русскими и украинцами многим тысячам сербов, бежавшим к нам после захвата турками Сербии. Автор этих строк, попутно (при работе над другой темой) исследовавший данный вопрос, нашел явные следы оседания сербских эмигрантов-крестьян на землях Украины поселениями по несколько сотен семей каждое.

Новейший исследователь М. Н. Тихомиров, ограничившись летописными источниками, устанавливает наличие на Руси, в частности, в Москве, сербских мастеров-ремесленников, например: колокольного мастера Бориса, искуснейшего мастера по изготовлению часов с «преукищренным самозвоном» афонского инока Лазаря (цит. соч., стр. 174—175). Тот же ученый, правда, с гораздо меньшими основаниями предполагает, что сербо-бомарские эмигранты принесли к нам, в районы Пскова и Новгорода, ересь «богомилства», которая на российской почве дала всходы в форме «стригольничества» и других «доморощенных» ересей.

Без сомнения, отсутствие ярких следов более или менее массовой сербской эмиграции рассматриваемого периода частично объясняется слиянием эмигрантов с близко-родственным по языку, духовному складу и вере русским народом.

До сих пор историко-церковная наука не изучила во всей полноте взаимных русско-сербских культурных связей и влияний. В изучаемый период мы имеем в виду взаимное обогащение той и другой национальной культуры. Освещение вопроса затрудняется живучестью в церковно-исторической литературе то явных, то прикрытых антипатриотических взглядов «школ» Е. Е. Голубинского и др., доказывавших одностороннюю и исключительную зависимость русской культуры от культур чуть ли не всех народов земного шара, с которыми Руси приходилось встречаться (норманов, греков, половцев, немцев, итальянцев, датчан, шведов, болгар и других), в том числе и от сербского. Любопытность русских людей, их жажда к овладению всеми знаниями, накопленным человечеством с тем, чтобы развивать их вширь и вглубь, принималась апологетами всякой иностранщины за «обезьянничание», в лучшем случае за некритичное «колелопреклоненное» ученичество.

В данный момент речь идет о культурах братских одаренных народов. Поэтому мы рады возможности повторить хорошо аргументированные строки весьма осведомленного литературоведа проф. М. Н. Сперанского (в его труде «К истории взаимоотношений русской и юго-славянских литератур» — «Известия отделения русского языка и словесности

Российской Академии Наук», т. XXVI, изд. 1921 г.) о том, что в XIII—XV вв. ряд произведений русской православной литературы был широко известен на Балканах, в частности в Сербии. В их числе: сборник святоотеческих и др. изречений «Пчела», повесть об Акире Премудром и др. Есть и другие, не приводимые мною за ограниченностью места, факты влияния русской (литературы) культуры на сербскую.

Но было бы черной неблагодарностью не отметить большой и эффективной братской православно-культурной помощи нашим предкам в годы их особенной нужды в этом.

Если Руси нечего было занимать у половцев, угров, татар и проч., то с сербами дело обстояло иначе. Уровень сербской культуры (напр., в XV веке) был таков, что покорители Византии и юго-восточной Европы — турки, которых никак нельзя было заподозрить в сочувствии к эллинской и особенно славянской культурам, были вынуждены не только «дозволить к употреблению» сербский язык: так, при дворе султана и в привилегированных кругах турецкой столицы употреблялись разные языки: турецкий — язык государя, арабский — язык священного законодательства Корана; славянский (сербский), как наиболее общезвестный, в частности язык янычар и греческий язык, как речь константинопольцев и населения городов Греции. Проф. М. Н. Тихомиров (цит. соч., стр. 180) удостоверяет (подкрепляя это ссылками и на архивные первоисточники и на серьезные исследования), что султанские грамоты, адресованные «Московии» и Молдавии, составлялись на сербском языке.

Добавим, что самый сербский язык формировался в прочном взаимодействии с русским. Вслед за многими русскими и балканскими исследователями (Голубинским, Тихомировым, Сырку, Ягичем, Григоровичем и др.) приведем сущность высказываний известного сербского (по происхождению болгарина) писателя начала XV века Константина Костенчского в его «Сказании о письменах». Отражая мнение образованных балканских людей своего времени, он утверждает, что древнейшие переводы церковно-богослужебных книг не были и не могли быть сделаны ни на болгарском языке, как слишком трудном, ни на сербском, как «высоком» и сжатом, а за основу мог быть взят только «тончайший и прекраснейший» русский язык с привлечением элементов болгарского, боснийского, сербского, словенского, хорватского и чешского. Нельзя, конечно, в свете современных нам историко-лингвистических знаний, всерьез говорить о том, что свв. братья Кирилл и Мефодий в своих трудах по устройению славянской письменности пользовались какой-то смесью перечисленных языков, которых они в должной степени знать и не могли, но высказывания Константина Костенчского ценны для нас, как бесспорное свидетельство хорошего знакомства образованных сербов того времени с русским языком.

Православной Руси были то полностью, то частично посвящены труды нескольких сербских духовных писателей, вся жизнь которых была служением своему народу на своей родине. Для примера укажем на известного «черноризца Филолога» (Аникиту Льва) писателя 1-ой половины XVI века. Он, вероятно, по собственному почину написал два «похвальных слова» св. Михаилу, князю Черниговскому. Своим литературным талантом (который Е. Е. Голубинский на 510 стр. своего цитированного нами труда издевательски называет «риторической необузданноглаголивостью» старого сербского писателя) Аникита Лев прославился по православной Руси вплоть до студеного Беломорья. Соловецкий монастырь командирует в Сербию своего доверенного инока, по просьбе которого талантливый сербский «черноризец» составляет два известных «похвальных слова» преподобным Зосиме и Савватию, подвижникам Соловецким («Прибавления к Творениям Свв. Отцов», часть 18, ст. «Сведения о Филологе черноризце, проповеднике XVI века»).

В составе русской церковной иерархии и черного духовенства мы встречаем сербов, память о которых равно дорога как для Русской, так и для Сербской Церкви.

Если проф. М. Н. Тихомиров слишком прямолинеен, говоря, что в «Северной Руси создается новая литературная школа, находящаяся под явным югославянским влиянием», то во всяком случае можно уверенно сказать, что Сербия, представленная у нас своими наилучшими и самыми образованнейшими из своих сынов, помогла развитию русской культуры и сближению ее с сербской, средний уровень которой, напр., в XVI веке, едва ли превосходил русский. Названный ученый, обосновывая приоритет сербского влияния, указывает, что «риторика Епифания особого типа, но принадлежность ее к определенной литературной школе, связанной с южно-славянскими странами, а в еще большей степени с Византией, не подлежит сомнению». Но нам кажется, что это не так. Епифаний Премудрый, о котором идет речь, — один из выдающихся русских церковных писателей, автор ряда работ, в том числе и известнейших пространных житий Преп. Сергия Радонежского и Стефана, просветителя Пермского, оригинален в своей риторике (ср., напр., жития его авторства с вышеназванными «похвальными словами» «черноризца Филолога»). Точнее будет утверждение, что хорошее знакомство с лучшими произведениями православных писателей помогло Епифанию найти и свою форму и свой стиль изложения.

Это ни с какой стороны не умаляет заслуг перед Русской Церковью и русским народом сербских иноков—свв. Киприана и Пахомия (Логофета). Первый из них еще при жизни Святителя Алексия, Митрополита Московского, был предназначен Константинопольским Патриархом в преемники Алексия по Московской первосвятительской кафедре.

Несколько лет Киприан пробыл в Галиче, управляя в звании Киевского Митрополита южными и юго-западными епархиями русских земель, захваченных великим княжеством. Но очень скоро после кончины св. Алексия новый митрополит приступил к окормлению Православной Русской Церкви: великий князь Московский Димитрий Иванович Донской долго его не принимал, ошибочно считая Киприана сторонником литовских, антирусских интересов. Святитель-подвижник привез на Русь и свою высокую веру, и горячую любовь к русскому и сербскому свобододолюбивым народам, и высокую личную духовную культуру. Уклонившийся от сугубо мирских дел, если они прямо не затрагивали нужд и интересов Церкви, первосвятитель, подобно своему гениальному предшественнику, добился выдающихся миротворческих результатов: между Москвою и Литвой за все время возглавления им всероссийской митрополии († в 1406 г.) вооруженной борьбы не было, и Литовские великие князья при нем даже не возбуждали вопроса об особой для себя митрополии. Киприан с полным основанием может быть назван великим святителем-патриотом. Он был одинаково энергичен и талантлив и в сфере церковно-административной и как архипастьрь-богослов и наставник (поистине бессмертны его труды по упорядочению богослужебной практики и в области личной церковно-просветительной деятельности).

Известно также, что нашей отечественной Церкви послужил племянник Киприана Григорий Цамблак (которому некоторые наши сторонники без достаточных оснований присваивают прозвище Семвлака или Семивлаха), достигший в расцвете своих сил высокого сана и поста Митрополита Киевского. Правда, он возглавил митрополию в те годы, когда она стала независимой от Москвы. Но нам важно отметить, что Григорий не стал духовным оружием агрессивных, антирусских замыслов правителей Литвы. Его, Григория, некоторые исследователи (в том числе, к сожалению, и такой почтеннейший историк

Церкви, как архиепископ Макарий) упрекают в том, что он почти все свое внимание, даже в ущерб церковно-административным текущим делам, уделял полемике с католиками. Но в условиях места и времени эта полемика была весьма полезной с точки зрения интересов Русской Церкви в целом!

Всей своей деятельностью он воспитывал в своей украинской и белорусской пастве убеждение в том, что истинный свет Православия идет с Востока — от братского русского народа, а с Запада надвигается, в лице католичества, главная опасность — черная туча ненависти ко всему дорожному и святому для православного человека. Таким образом, литературная деятельность Григория представляет серьезный вклад в русскую церковную культуру.

Приехавши в Россию молодым ученым монахом, серб Пахомий Логофет умер здесь в 1480 г. глубоким старцем, отдавши служению Русской Церкви более пятидесяти лет. Он широко известен, как автор житий многих русских подвижников благочестия.

Историки церковной архитектуры — Брунов, Кондаков, Покровский и др. — указывают на сходство некоторых московских сооружений XV века (напр., Андрониева монастыря) с сербскими. Правда, никто из них не говорит о полном копировании.

Чем дальше, тем больше произведений русской церковной письменности попадало в сербские монастыри и церкви в качестве подарков от русских царей (щедрейшим из них в этом отношении был Иван IV Грозный), архиереев, игуменов и образованных мирян.

В XVI—XVIII вв. русско-сербские церковные связи становятся еще более прочными и разносторонними, причем, по правильному заключению проф. М. Н. Тихомирова, теперь уже определенно «струя заимствований идет не с юга на север, а с севера на юг».

Вопрос о русско-сербских церковных отношениях этого периода, поднятый проф. Е. Е. Голубинским, нашел развитие в трудах историка проф. Каптерева (в частности, в его работе «Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях», изд. 1914 г.) и в документальных публикациях. В наше время он изучен советскими учеными историками, вооруженными арсеналом тончайших средств глубокого исследования; последним по времени является блестящий труд члена-корреспондента Академии Наук СССР С. К. Богоявленского: «Связи между русскими и сербами в XVII и XVIII вв.», опубликованный в 1947 году.

Проф. Е. Е. Голубинский в цитированной нами его работе по истории балканских Церквей исследовал внешние формы связей — приезды сербских иерархов за «милостыней». Позднейшие исследователи показали уже полную картину.

Со стороны турецких властей сербы подвергались всяческому преследованиям. Несколько десятков тысяч православных людей в поисках спасения бежало в пределы позднейшей Австро-Венгрии. Но они, как оказалось, попали «из огня да в полымя»; преследования со стороны католиков не на много уступали турецким зверствам. Православные церкви и монастыри либо уничтожались, либо приходили в запустение; священнослужители переносили тяжкую нужду и нравственное угнетение. Естественно, что они направляли свои «очи, полные скорбной мольбой» в сторону Руси.

И никогда не оставалась безответной Святая Русь. Мы помним, что Стефан Душан в годы золотоордынского порабощения Руси спас от гибели Афонский Пантелеймоновский русский монастырь. В 1555 году в Москву, к царю Ивану Грозному, прибыли старцы сербского Афонского Хиландарского монастыря с просьбой о помощи. Святая обитель была снабжена всем необходимым и объявлена находящейся под осо-

бым непосредственным покровительством русского государя. Впоследствии Хиландар стал одним из важнейших духовно-просветительных центров православных Балкан.

Позже в Москву открывается настоящее паломничество жаждущих помощи и поддержки сербов. Из сводки, приводимой проф. М. Н. Тихомировым, видно, что в XVI веке в Москве побывали посланцы: Белграда, Филиппополя, Адрианополя, Кучайнского Преображенского монастыря, Беочинского, Острицкого, Рождественского, Ильинского, Крушедолского на Фрушковой горе, Студеницкого, Скопьянского Предтеченского, Милешева, Анкольского и др. монастырей и Вертарской епископии. (Попутно отметим, что Милешев монастырь в середине XVI века был центром сербского книгопечатания. Не исключена возможность, что с этим монастырем, как равно и с г. Белградом, где также уже существовала типография, были связи еще и у русских первопечатников. Некоторые любопытные данные, подтверждающие наше предположение, приведены И. П. Сахаровым в его «Обзрении славянорусской библиотеки», т. I, кн. II, изд. 1899 г. Во всяком случае существенная материальная русская помощь значительно усилила литературно-книжную деятельность у сербов).

Доведем до сведения читателей наиболее интересные факты из числа установленных и опубликованных достопочтеннейшим проф. С. К. Богоявленским.

В XVII веке поездки духовных лиц в Россию настолько участились, что правительство было вынуждено внести определенный порядок. Церквам и монастырям давались грамоты с указанием срока их приездов (одним разрешался проезд через каждые пять лет, другим через семь лет, третьим через десять и т. д.). Тот же порядок был установлен и для иерархов. Что он строго соблюдался, свидетельствует, напр., такой факт: в 1653 г. Печского (сербского) Патриарха Гавриила вернули с полпути обратно потому, что после предыдущего приезда представителя патриархии прошло шесть, а не семь лет. Зато в следующем году святой был принят с большими почестями и возвратился со щедрыми дарами.

В 1622 году, то-есть в то время, когда Русь далеко не залечила зияющие раны, нанесенные ей иноземной интервенцией предыдущих лет, в Москву приезжал епископ Антоний — один из австро-сербских архиереев; русский народ от последних медяков и рубищ уделил немало даров представителю угнетенных братьев по вере. Через сорок лет, от той же кафедры прибыл Митрополит Феодосий; по состоянию его здоровья, он принял предложение остаться на покое в Москве. В 1641 и в 1648 гг. приезжали и получали серьезную помощь еще два австро-сербских архиерея: Митрополит Неофит и епископ Михаил Хоповские.

Трагична судьба упомянутого выше Патриарха Гавриила, который, будучи в Москве, (в сопровождении Митрополита Михаила и др. лиц), принимал активное участие в соборном обсуждении вопросов исправления церковно-богослужебных книг. Говорят (но прямых доказательств этому нет), что он пытался поставить вопрос о русской вооруженной помощи для борьбы против турок. Но эта попытка (даже если считать ее фактом) результатов не дала: у России в то время были слишком напряженные отношения с соседями из-за Украины, в воздухе пахло жестокой кровопролитной войной.

Турки по возвращении Патриарха из Москвы, коварно обвинили его ни более, ни менее, как в... шпионаже в пользу России и в результате злодейски-организованной комедии суда повесили. Одной из целей этого разбойничьего акта было устрашение других лиц, намеревавшихся продолжать связь со столицей истинного Православия.

Но едва минуло десятилетие со дня казни Гавриила, как в Москве появляется сербский Митрополит Феодосий, деятель несомненно знакомый Русской Церкви раньше, ибо иначе трудно понять факт приглашения его собором русских епископов занять пост Местоблюстителя Патриаршего Московского Престола после низложения Патриарха Никона (предложение Феодосием было принято).

Почти вслед за ним (в 1668 г.) появляется известный в балканской истории Трансильванский Митрополит Савва (Бранкович) со свитой, возглавленной братом Саввы, известным сербским историком и духовным писателем Георгием (Юрием) Бранковичем.

Не знаем, какие дела были у Бранковичей, кроме собирания пожертвований, но отметим, что Георгий привлекался австро-венгерцами к активному участию в войне против турок. Когда же стало очевидным, что Георгий условием своего участия намерен был поставить национальное и религиозное освобождение сербов, австро-венгерские правители, создав провокацию, двадцать два года продержали его в тюрьме.

Несмотря на то, что сербское книгопечатание старше московского, очевидно, типографская продукция была количественно совершенно недостаточной, ибо приезжавшие на Русь сербы особенно ценили такие дары, как русские книги церковно-богослужебного обихода. Приводимая нами цитата из труда проф. С. К. Богоявленского показывает огромное влияние русской церковной письменности на сербов. «Усваивая русский язык, — говорит он, — сербский грамотей в своих произведениях и проповедях старался подражать русским книжным выражениям, так что получалась смесь сербского языка с языком русских богослужебных книг. Этот смешанный язык долгое время оставался сербским литературным языком, пока трудами Вука Караджича и его последователей не был создан сербский литературный язык, близкий к разговорному». (Цит. соч., стр. 243).

Последние архивные изыскания гражданских историков приоткрыли еще одну важную сторону русско-сербских отношений. Оказалось, что в наших Государственных архивах есть документы, непреложно свидетельствующие о том, что не только приезжавшие в Москву духовные лица привозили в Сербию русские книги: города и села солнечной Сербии в XVII и XVIII веках видели на своих улицах и торжках, столь знакомых каждому из нас в детские годы владимирских офеней с богослужебными книгами и иконами. Покупателями их, конечно, были не только церкви, монастыри и духовенство. Рядовые, простые сербские люди лицом к лицу сталкивались с простыми русскими людьми. Дружба во Христе крепла сверху и снизу!

И — второй факт: оказывается, палехские иконописцы (может-быть прямые предки тех мастеров, которые в 1948 году расписывали ворота Сергиевой обители?) в самом начале XVIII века основательно «утоптали» тропы торговых дорог в Сербию со своим благородным «товаром». Может быть, кто подумает, что такая торговля поощрялась русским правительством? Вовсе нет. Напротив те же самые документы говорят о том, что во-первых, власти запретили владельцу села Палех графу Бутурлину выдавать своим крестьянам-иконописцам отпускные грамоты; во-вторых, киевский губернатор получил строгий приказ с «нагоняем» — закрыть границу для русских офеней вообще; в-третьих, русский посол в Турции сам просил турок не пропускать офеней с книгами и иконами в пределы «Блистательной Порты»; а, в-четвертых, добавлю от себя вслед за проф. С. К. Богоявленским — офени обходили все бумажные и физические рогатки и продолжали свое дело, не думая, чтобы только из-за больших прибылей.

В восемнадцатых годах XVII века австрийские войска начали успешное наступление на турок. Последние должны были очистить всю

территорию Сербии. О дальнейших событиях и источники и ученые исследователи — русские и балканские — говорят согласно и даже почти в одних и тех же выражениях. А именно: от австро-турецкой войны больше всех пострадали сербы. Отступающие турки массами вырезывали мирное сербское население, многих угоняли в Константинополь и продавали в рабство. Наступающие австрийцы, тотчас после вторжения, закрывали православные церкви, либо обращали их в костелы, насильственно обращая сербов в католичество и всячески тесня православных.

Делегат Сербского Патриарха Арсения III (Черноевича) и отставного, находившегося в Сербии, Константинопольского Патриарха Дионисия — архимандрит Исаия просил русское правительство об оказании сербам помощи людьми и оружием в этот критический момент. По свидетельству Н. Каптерева (Приезд в Москву афонского архимандрита Исаии в 1688 г., ст. в 3-ей книге «Творения Свв. Отцов» за 1889 г.) выступление Исаии вызвало бурный общественный отклик. Правительница-регентша София уверила его в незамедлительной вооруженной помощи (которая на деле осуществлена не была), а пока Исаии были вручены грамоты с заверениями о «непрестанном попечении русских великих государей о всех православных, живущих под игом поганским». На границе австрийские власти отобрали грамоты, а самого архимандрита Исаию упрятали в тюрьму.

Военное счастье вскоре изменило австрийцам, и турки вновь отвоевали Сербию. Поверив обещанию австрийского императора гарантировать полные гражданские права и вероисповедную свободу тем сербам, которые согласятся получить в Австрии убежище от турецких зверств, более 37 тысяч сербских семейств во главе с Патриархом Арсением (Черноевичем) переселились туда.

Плохо пришлось оставшимся на местах, но более чем невесело было и переселившимся. Онемечение и окатоличение переселившихся производилось всеми допустимыми и недопустимыми средствами. Неоднократные категорические представления русских послов в Вене об облегчении участи православных силы не имели.

Петр Великий не желал войны с Австрией (а правители Австрии только перед вооруженным кулаком и могли смириться). Он лелеял мечту о разгроме Турции при поддержке единодушно восставших против нее балканских славян. В ожидании грядущих событий у сербов началось движение в пользу переселения в пределы Российской империи. Но ходатайства нелегальных послов от сербского народа перед Петром I в 1704 и 1708 гг. не могли иметь успеха в силу политико-дипломатической обстановки. Посланцам было рекомендовано готовиться к вооруженному восстанию против турок.

В 1711 году, после отказа султана от дипломатических переговоров, Петр Великий объявил Турции войну и при этом обратился к балканославянским народам с призывом к совместным действиям против общего врага. Первым поддержал призыв сверхдоблестный маленький черногорский народ под руководством своего Митрополита Данилы — духовного и светского владыки своего народа. Порабощенная турками часть сербов могла в нелегальных условиях выставить лишь небольшой повстанческий отряд (силой менее одного полка); австрийские сербы дали не больше.

Как известно, война 1711 года, быть может, вследствие стратегических просчетов, окончилась неудачно для России. Зато она сблизила братские народы между собой. В Сербии и Черногории окреп интерес к России. Здесь же, в свою очередь, — к Сербии. Одной из первых научных проблем, зарождавшейся Российской Академии Наук — было славяноведение, в частности, — славянская история.

Сербским эмигрантам — участникам войны на стороне русских были обещаны земельные участки, денежное вознаграждение, русская служба. Около 500 человек поступили на русскую военную службу.

Австрия возобновила среди сербов пропаганду католицизма, на этот раз путем насаждения хорошо организованных, обеспеченных католических школ.

По настоятельным просьбам сербов во главе с православным Митрополитом Моисеем (Петровичем) Россия оказала сербам содействие в создании школы для обучения на родном языке.

В 1725 году к австрийским сербам отправился русский педагог и переводчик Максим Суворов — подлинный энтузиаст своего дела. Справедливость требует отметить, что работа М. Суворова проходила в тяжелых условиях: русское правительство около трех лет «забывало» высылать ему вознаграждение; книги и учебные пособия он приобретал за счет сбережений, накопленных в России, в поисках школьного помещения ходил из города в город. «Он, — пишет проф. С. К. Богоявленский, — входил в долги. От тяжелой жизни умерли на чужбине его дети, сам он часто хворал, но держал себя с неизменным достоинством и не бросал порученного ему дела». К тому же самоотверженному труженику на ниве церковного просвещения приходилось бороться против зловонных потоков клеветы и интриг, клокотавших вокруг него.

В таких условиях, почти лишенный поддержки сербской иерархии (что в высшей степени странно, но тем не менее является фактом!), писавшей замечательные отзывы о его работе, и в то же время отказывавшей ему в куске хлеба для детей и в свече для вечерних занятий, — Максим Суворов проработал одиннадцать лет! В 1737 году он был отозван в Россию. За это время им обучено и успешно выпущено более 120 человек, преимущественно священников и монахов разных возрастов.

Тридцатые годы XVIII века, период царствования в России Анны Ивановны, отличавшийся немецким засильем в царском дворе, государственном управлении и армии («бироновщина») — приносит ослабление русско-сербских отношений. Царские послы уже не заступались за обижаемых православных, жалобы последних оставались без последствий.

В русско-турецкую войну тридцатых годов, в которой Австрия выступила на стороне России, Сербская Церковь благословила своих чад, живущих на захваченной турками территории, на освободительное восстание против своих поработителей. Повстанцы нанесли туркам ряд быстрых и крупных поражений, и австрийская армия (до того времени бывшая пассивной) почти без боев заняла исконную сербскую территорию. Австрийские сербы, входившие в состав австрийской армии, по свидетельству исследователей, сражались вяло, как бы предчувствуя австрийское вероломство. Предчувствия оправдались: в первых же серьезных схватках с турками австрийские части были деморализованы и, даже не предупредив сербов, обратились в паническое бегство. Перетрусившее австрийское правительство заключило с турками мир на довольно позорных условиях: «турецкие» сербы были брошены на съедение свирепому врагу.

Патриарх Арсений (Шакебент) и как первоиерарх, и как духовный вождь своего народа допустил по меньшей мере две ошибки. Во-первых, он оставил свою паству при первых же слухах о контрнаступлении турок и бежал в Австрию. Но это еще полбеды. Во-вторых, он, вместо призыва повстанцев к мужественному сопротивлению в помощь русскому оружию, призвал «турецких» сербов переселиться в Австрию. За Патриархом последовало около 60 тысяч сербских семейств, что, конечно, серьезно ослабило возможность повстанческого сопротивления.

(Описанный факт подробно изложен в ст. Н. Попова «Сербы в Австрии», в журнале «Русский Вестник» за май 1865 года). Впрочем, Арсений вскоре, учитывая настроения паствы, попытался исправить ошибку обращением к Анне Ивановне с просьбой, либо прямо призвать сербов к продолжению освободительной антитурецкой войны в составе русских войск или во взаимодействии с ними, либо — по крайней мере — хоть приободрить «австрийскую» часть сербов обещанием поддержки и защиты.

Обращение не дало особого эффекта, и, пожалуй, оно было запоздалым. Как бы то ни было, Австрия в глазах всех сербов была навсегда и бесспорно разоблачена, как непримиримый коварный враг славянства. И, наоборот, Россия была больше, чем прежде, окружена ореолом защитницы и покровительницы православного славянства.

Во время известной Семилетней войны (1756—1763), в которой Австрия снова стала союзницей царской России, последняя стала вербовать славян-добровольцев. Австрийские сербы охотно шли на призыв с тем, чтобы после войны остаться в России на жительство; австрийский двор, скрепя сердце, официально против этого не возражал. Лишь в наши дни стало известно (на основании документов архивного фонда «Сербских дел» — в Центральном государственном архиве древних актов), что карловацкий австро-сербский митрополит Павел (Ненадович) «тихой сапой» срывал вербовку добровольцев. Исследователи подозревают его в недостойной «близости» к австрийскому кошельку несимпатичного назначения. Это, конечно, на Церковь в целом тени не бросает — в семье не без урода.

В царствование Елизаветы Петровны нравственная поддержка православных сербов в Австрии увеличилась. Несмотря на антиславянское настроение русского посла в Вене немца Кайзерлинга, ему все же пришлось сделать несколько энергичных представлений австрийскому правительству. В частности, он не мог не указывать на такие факты, как превращение в костелы храмов, отобранных у православных, даже в тех местах, где вовсе не было ни католиков, ни униатов.

В последние десятилетия XVIII в. сербы, черногорцы и герцеговинцы активно помогали России в борьбе против общего врага — Турции. Сербы — бойцы партизанского отряда генерала Ивелича после войны переселились в Россию, даровавшую им средства и другие возможности для освоения отведенных им земель.

Многие сербские духовные писатели своим творческим ростом обязаны России. Одним из таких является архимандрит Иоанн Раич (1726—1801). Выходец из очень бедной сербской семьи, он окончил несколько западно-европейских учебных заведений и завершил свое богословское образование в Киевской Духовной Академии, курс которой он прошел в три года; затем, в течение одного года он знакомился с московскими святынями, книго- и архивохранилищами. Уже в 50-х годах XVIII века, он приступает к собиранию материалов для задуманного им труда по истории балканских славян. Занимался педагогическими трудами, а в научных целях еще не раз посещал Россию.

Обогатив национальную литературу весьма многими небольшими по объему произведениями, он к семидесятилетнему возрасту окончил работу над четырехтомником «История разных славянских народов наипаче болгарь, хорватовъ, сербовъ», вошедшим в золотой фонд сербской исторической литературы. Даже скептик Е. Е. Голубинский отмечает огромную ценность трудов Иоанна Раича и в своих работах сотни раз на него почтительно ссылается.

Почти все сербские патриархи с надеждой обращали свои взоры к России. Так, например, Афанасий (Гаврилович), серб по происхожде-

нию, известен по переписке с русской императрицей в 1752 году по вопросу о поддержке черногорцев. Предпоследний Сербский Патриарх Василий Беркич, сын своего народа, за свою энергичную церковно-патриотическую деятельность был совершенно клеветнически обвинен турками в австрийском шпионаже и сослан на остров Кипр, откуда он бежал в Черногорию, где три года (1766—1769) жил на нелегальном положении. Турки оценили его голову в огромную сумму. Наконец, ему удалось эмигрировать в гостеприимно встретившую его и давшую ему убежище Россию. Но уже сама Сербская Патриархия доживала последние дни.

Константинопольская («Вселенская») Патриархия очень давно добивалась ликвидации сербской церковной автокефалии. В этой статье нет места для анализа причин константинопольской экспансии. Во всяком случае, мы считаем неосновательным видеть ее причины только в грубо-материальных побуждениях греков (желание приобрести большее количество плательщиков долгов, хронически обременявших Патриархию). Полагаем, что не меньше в этом было заинтересовано и султанское правительство: оно еще в 1453 году дало указ о предоставлении Константинопольскому Патриарху права представительства интересов всего христианского населения Турецкой империи по вопросам не только церковным, но и гражданским. Султаны гарантировали патриарху подчинение ему всех балканских православных Церквей; в обмен на это патриарх должен был нести ответственность за верноподданничество христиан. Теперь наступило время полностью осуществить указ, переложить все хлопоты по «укрощению» свободолюбивого сербского народа на плечи Церкви; Сербская же Церковь была плотью от плоти своего народа, в ней сербы видели идейного руководителя своей борьбы за лучшее будущее. Все это укрепляло стремление турок к ликвидации сербской церковной независимости. Встречной волной было оживление велико-греческих настроений в среде константинопольских греков — потомков древних династий, банкиров, торговцев и верхушки служилого люда. В моей статье «Константинопольская Патриархия и балканские славяне» («Ж. М. П.» 1948, № 6) показано, что политика Патриархии, в конечном счете, направлялась небольшой кучкой «тузов» Фанара-греко-аристократического квартала г. Константинополя.

Совокупность этих причин объясняет полный успех ходатайства «вселенского» Патриарха Самуила I перед султаном о ликвидации Сербской патриархии с полным подчинением ее епархии Константинополю. Это произошло в 1766 г. В очень короткий срок почти все сербские архиерейские кафедры были возглавлены и стали возглавляться впредь греками. Не делает чести Самуилу I опубликованное позже «прошение» о добровольной самоликвидации автокефалии, якобы, подписанное большинством сербских архиереев. Нам хорошо известно: разгром Сербской автокефалии был столь бесцеремонным, смещение почтеннейших архипастырей — только по причине принадлежности их к одной национальности с пасомыми — проводилось столь явно, что девять архиереев, опираясь на широкие общественные сербские круги (и именно тех самых, которые, якобы подписались под вышеупомянутым «прошением»), в том же 1766 году обратились, через Московского Митрополита Платона, с просьбой к Святейшему Синоду о ходатайстве перед русской государыней Екатериной II и ее правительством о приостановлении насилий со стороны Константинополя. Как великой милости для блага Церкви угнетенного народа они умоляют принять сербскую архиепископию (бывш. патриархию) под юрисдикцию русского Св. Синода. Сербские святители соглашались на то, чтобы «в случае нужды» первоиерарх Сербии избирался из числа русских архиереев. Нельзя осуждать простодушных, искренних молитвенников, иноков-святителей,

не представлявших, что по ряду политических соображений, русское правительство было не в состоянии удовлетворить их просьбу.

* *

*

Открывается новый этап русско-сербских церковных отношений. Греки архиереи, за редким исключением, усиленно эллинизировали все, вплоть до богослужебного языка. Их надеждой стал Константинопольский Фанар; они (опять таки за редкими исключениями) не были действительными отцами своих пасомых, в глазах которых архиереи стали духовными чиновниками турецкого правительства. Миряне и рядовое духовенство больше чем раньше, смотрело на Россию, как на единственную освободительницу. Только теперь они стали возлагать надежды не на царское правительство, а на русский народ.

Конечно, и царское правительство иногда оказывало сербам серьезную поддержку (по каким видам — это другой вопрос). Как известно, героический сербский народ ценой больших усилий, крови и лишений добился автономного положения Сербии. Однако о церковной автономии сербов Константинополь и не помышлял. Император Николай I (снова повторим: по каким видам, это — другой вопрос) резким и настойчивым дипломатическим нажимом добился в 1830 году признания автономии сербской митрополии. С этого времени, точнее с 1832 г., митрополит и епископы стали избираться на месте из числа сербского духовенства. Низлагаться митрополит мог только по обоюдному соглашению Константинопольского Патриарха и сербского князя, епископы — по соглашению митрополита и князя. В Белграде была открыта в 1836 г. богословская (средняя) школа для подготовки священнослужителей.

Позже в числе ее преподавателей были и русские специалисты. Высшее богословское образование сербы получали в России, большей частью в Киевской Духовной Академии; на втором месте в этом отношении стояла Московская. Знаменитый сербский первоиерарх Митрополит Михаил (Иоаннович), с честью возглавлявший Сербскую Церковь около 40 лет (1859—1898 гг. с некоторым перерывом) и являвшийся автором громадного количества печатных богословских работ, — питомец Киевской Академии и постриженник Киево-Печерской Лавры.

Сербский народ и поныне свято чтит память героев Русско-Турецкой войны 1877—1878 гг., освободившей его от турецкого ига и давшей Сербии право на самостоятельное государственное существование. Без помощи великого русского народа освобождение Сербии было столь же невозможным, как невозможно было освобождение Югославии от гитлеровских захватчиков в 1945 г. без могучей помощи простых русских людей — солдат, офицеров и генералов Советской Армии под гениальным водительством великого Сталина.

Сила, мощь и братская действенная помощь русского народа позволила сербам добиться в 1879 году признания их церковной автокефалии Константинопольским Патриархом и Св. Синодом при нем, несмотря на энергичные интриги австро-немецкой и английской дипломатии. В дни войны 1877—1878 гг. Сербская Церковь и ее предстоятель Митрополит Михаил развернули очень большую патриотическую деятельность: рассылкой воззваний, благословениями воинов, своих и русских, сбором пожертвований, помощью больным и раненым и проч.

В положении сербов, живших на территории Австро-Венгрии, существенных улучшений в XIX веке не произошло. Католики осуществляли нажим всеми доступными им средствами, в особенности обласканные австрийскими императорами иезуиты.

В революцию 1848 года австро-венгерское правительство, как известно, широко применяло различные приемы натравливания друг против

друга различных народов многонациональной империи. Используя трения между сербами и мадьярами на экономической почве, правительство сумело представить восставших мадьяр (венгров) в глазах сербов в качестве притеснителей, присвоив себе покровительственную роль. Сербы воспользовались «доброжелательством» императора и собрали в Карловцах 1 мая 1848 года народную скупщину под председательством сербского Митрополита Иосифа (Раячича), которая провозгласила образование автономного сербского воеводства из 4 заселенных в большинстве сербами провинциях и провозгласила Иосифа Сербским Патриархом. Император Франц-Иосиф, признав постановление скупщины, использовал политически запутавшихся сербов в позорных целях ослабления революционного движения, а потом незамедлительно упразднил воеводство. За Иосифом он оставил только патриарший титул, лишенный в данном случае всякого реального значения, и тут же дал возможность католикам, униатам и иезуитам вновь развернуть свой погромный фронт против Православия.

В 50-х годах XIX века Австро-Сербская Церковь получила из России материальную поддержку на восстановление разоренных церквей. До конца XIX века в Сербии употреблялись богослужебные книги, напечатанные в России. Далматинские сербы были обрадованы в конце минувшего столетия назначением к ним епископа-соотечественника Никодима Милаша, магистра Киевской Духовной Академии, почетного члена Петербургской Академии, одного из лучших для того времени славянских церковных историков и канонистов. Патриот своей Родины в нем сочетался с ученым русской духовной школы: он много сделал для русско-сербской дружбы и для борьбы с происками униатов в своей епархии.

Не более легким было положение босно-герцеговинцев. Автор главы из истории Сербской Церкви в известном коллективном труде «История Христианской Церкви в XIX веке», издания А. П. Лопухина—профессор Душан Якишич заканчивает свою главу следующими строками: «В своей тяжелой доле им—православным сербам—остается одно: молиться Богу об избавлении от этого египетского ига и уповать на братскую Россию, которая одна только своим властным голосом может облегчить их тяжелое положение» (цит. соч., стр. 437). «Властным голосом» своих вооруженных сил великий русский народ—первый среди равных в семье Советского Союза—спас сербский народ не только от «тяжкого положения» раба «арийских» поработителей, но и от полного физического истребления, которое готовили для славянства гитлеровские головорезы. Об этом не забудут сербы! Это гарантирует рост братских связей между нашими народами вообще и рост русско-сербской дружбы во Христе. Православие—символ борьбы за мир во всем мире. Католицизм—знамя войны. И не случайно, что когда в наши дни в Югославии оторвавшиеся от народа правители, позабывши об уроках давнего и недавнего прошлого, попытались разрушить братскую связь между единоверными народами, этим уже воспользовалась армия Ватикана, ринувшаяся во все щели с целью расстроить нашу дружбу во Христе!

Но православный сербский народ этого не допустит!

Профессор И. Н. Шабатин

ВОСТОЧНАЯ ЦЕРКОВНАЯ ПОЛИТИКА РИМСКИХ ПАП — БЕНЕДИКТА XV, ПИЯ XI и ПИЯ XII

На протяжении своей тысячелетней истории Русская Православная Церковь испытывала наибольшую опасность и вражду, главным образом, со стороны римских епископов (пап), неоднократно подвергаясь с их стороны разнообразным и коварным интригам. Об этом же свидетельствует и история последних десятилетий. Но, к сожалению, среди верующих русских людей (из духовенства и мирян) не раз — за последнее полстолетие — высказывалась благодушная теория о якобы дружественном и даже соболезнующем отношении Ватикана к Русской Церкви. Это печальное и вредное заблуждение разделяли, конечно, очень немногие из православных, однако, о его вредности и сейчас полезно напомнить тем, кто еще продолжает питать на этот счет какие-либо иллюзии. Вред подобных настроений состоит в том, что они размагничивают волю к защите чистоты Вселенского Православия. Русские православные люди должны знать, что в Риме существует «недреманное око», состоящее из высшей иерархии Римо-католической Церкви во главе с папой, так наз. Римская курия. Подчинить своему влиянию Русскую Православную Церковь является ее заветным стремлением.

С этой целью Римская курия пристально следит за сложными изгибами международной обстановки. И всякий раз, когда она благоприятствует нажиму на Восток, Ватикан начинает предпринимать разного рода попытки проникнуть в сферу Русского Православия с целью его подчинения Римскому престолу. Неотразимым доказательством таких попыток и намерений является восточная политика Бенедикта XV, Пия XI и Пия XII. О некоторых фактах этой политики мы и расскажем в настоящей заметке.

В 1914 году, 3 сентября, после чрезвычайно короткого конклава, был избран новый папа, Джакомо делла Кьеза, принявший имя Бенедикта XV. Ему было тогда 60 лет. Будучи дипломатом, он еще в молодые годы состоял аудитором нунциатуры монсиньора Рамполлы при испанском дворе.

Ставши кардиналом и государственным секретарем Льва XIII, Рамполла сделал его своим заместителем. Их сотрудничество не прекращалось и после смерти Льва XIII, так как папа Пий X, сделавший преемником Рамполлы монсиньора Мерри дель Валь, сохранял еще в течение 4 лет делла Кьеза в его должности и естественно, что последний не раз прибегал к помощи своего старого патрона. Когда же в 1907 году замещение было упразднено, делла Кьеза было предложено кардинальское место в Болонье, где он зарекомендовал себя хорошим администратором. Смерть Пия X открыла ему дорогу к Римскому престолу.

Лев XIII и Рамполла требовали от своих ближайших сотрудников огромной работы и полного послушания. Проявление этой дисциплины

мы и видим в Бенедикте XV: каждый вопрос он изучал методически и разрабатывал его тщательно. Но он слишком долго был руководим ясными и повелительными идеями своих начальников, чтобы легко усвоить привычку повелевать и творить самому. Так как устремление на Восток занимало значительное место в деятельности Льва XIII, то неудивительно, что и Бенедикт XV, один из сотрудников Льва XIII, явился верным продолжателем его восточной политики.

Администрация «Объединенных церквей восточного ритуала» была всегда соединена со своей областью. В 1862 году Пий IX учредил Конгрегацию «Пропаганды для дел восточного ритуала». Но это была только секция великой «Пропаганды»: тот же префект во главе обеих организаций, те же кардиналы — члены; только советники были разные. А Бенедикт XV — для усиления натиска на Восток — установил полное и окончательное разделение, уничтожив орган, созданный Пием IX, и учредил Конгрегацию специально для Восточной Церкви. Префектом этой Конгрегации был сам папа. К новой организации шли все дела, касавшиеся личностей, дисциплины и ритуалов восточных церквей, соединенных с апостольским престолом.

В настоящее время из многих заграничных книг, газет и журналов известно, что в период Октябрьской революции Ватикан испытывал живейшее удовлетворение. Ему казалось, что с ослаблением церковной власти в России открывались новые возможности к овладению Русской Православной Церковью. В этом же смысле был понят Ватиканом и декрет об отделении Церкви от Государства. Там думали в то время, что отныне католицизм в Советской России будет иметь равные права с Православием. 31 мая 1918 года, в «Новой свободной прессе» писалось, что католическая церковь Запада может надеяться на значительный рост в России. Не теряя времени, папа Бенедикт XV пытался войти в официальные отношения с Советским Правительством.

Помимо того, осенью 1920 года в Берлине происходили тайные собрания католиков под председательством монсеньора Роппа. В этих собраниях принимали участие и русские эмигранты-православные и перешедшие в католичество — и некоторые немецкие священники. Все они работали над тем, чтобы обосновать идею объединения православной России с католической церковью и изыскать к тому практические способы. «Римский наблюдатель» сообщает, что все были согласны, что настоящий момент является очень подходящим для сближения, в силу ослабления власти Святейшего Синода, оберегавшего религиозную жизнь русских от католического влияния.

Вслед за этой конференцией монсеньор Ропп пытался, по распоряжению Ватикана, получить разрешение Советского Правительства на возвращение из Варшавы в тогдашний Петроград. Ясно, конечно, что его дальнейшей целью было перенесение своей резиденции из Петрограда в Москву. Но все усилия Римской Церкви, направленные к проникновению в Советскую Россию и к утверждению там своих позиций, до сих пор не привели ни к чему. Рим не учел главной силы Православия: его патриотический и национальный характер.

Попытка Бенедикта XV проникнуть в Россию являлась только одним эпизодом большого предприятия, имевшего целью положить конец восточному расколу и реализовать объединение Церквей. Архив пропаганды разоблачает тот особый интерес, который папы проявляли к этой серьезной проблеме. Конгрегация «De Propaganda Fide» имеет постоянную и доминирующую мысль: любыми средствами привести восточных христиан в Римскую Церковь.

Лев XIII был первым папой, который требовал уважения не только обрядов, но и дисциплины, т. е. внутренней организации Восточной Церкви. «Истинным единством христиан является такое, которое

Творец Церкви, Иисус Христос, установил и которого Он желал: оно состоит в единстве веры и управления. Ни мы, ни наши преемники никогда не уничтожат ни вашего права, ни привилегий ваших патриархов, ни обрядов каждой церкви. В поведении Св. Престола также, как и в его мыслях, всегда было и будет существовать желание быть щедрым на всякие уступки в отношении принципов и нравов каждой церкви». Эти слова, обращенные Львом XIII к Восточной Церкви, наилучшим образом определяют ту политику, которой он был инициатором и которую старались продолжать его преемники, в том числе и Бенедикт XV, предписывавший своим миссионерам большое уважение к Литургии и обрядам Восточной Церкви.

Нужны были большие усилия, чтобы разрушить тот предрассудок, вследствие которого униаты считались христианами второго ранга, и заставить духовенство и миссионеров Запада отказаться от обычая принуждать к латинскому ритуалу христиан восточных церквей. Но начало отныне положено: в целях покровительства развитию католицизма на Востоке, Рим решительно запрещает латинизировать его. Обращенные в католичество восточные христиане остаются теперь христианами Востока, сохраняя все свои традиции, обряды и дисциплину. Они принимают лишь догмат главенства папы.

Верный мысли Льва XIII Бенедикт XV уделил много внимания организации той деятельности, которая должна была развернуться в Европе на всем протяжении восточной границы католического мира. От Балтики до Черного моря строились церкви, отличавшиеся от римских церквей ритуалом, дисциплиной, местными традициями, но объединенные с католической церковью догматом подчинения папе. Эти униатские общины образовали как бы авангардные посты католицизма. Бенедикт XV хотел также иметь самые точные сведения об условиях для осуществления своих целей в Белоруссии и на Украине. По его указанию, митрополит Львовский и Галицкий Андрей Шептицкий посылал ему по этому поводу подробные доклады. В июне 1917 года папа, только что основавший Конгрегацию Восточной Церкви (1 мая), приглашал к себе униатского митрополита. Но последний, заподозренный Антантой в получении от Вены политической миссии, не мог переехать Швейцарию. Из Львова, куда он снова вернулся, Шептицкий продолжал информировать Ватикан.

Когда атаман Петлюра организовал в Киеве независимое Украинское правительство, то Бенедикт XV поспешил его признать. Посылая в Варшаву монсиньора Ратти, папа назначает о. Геноччи на Украину. Любой ценой Рим хочет помешать католической украинской группе обратиться на Восток, к Православию. Эта римская политика встретила решительное сопротивление со стороны поляков-католиков. Но Бенедикта XV это препятствие не остановило, и свою цель он стал осуществлять через упрежденный им Восточный Институт. Бенедикт XV умер, не дождавшись благоприятных результатов от своей восточной политики, которую продолжал уже Пий XI.

Через несколько месяцев после избрания папой Пия XI началась Женевская Конференция, и папа постарался использовать ее, чтобы говорить с русскими. Он не ограничился своими инструкциями Женевскому архиепископу монсиньору Синьори и послал на конференцию со своей доверенностью дипломата монсиньора Синсеро. Архиепископ вел себя чрезвычайно услужливо по отношению к русским делегатам: приглашал их к себе, отдавал им визиты; на завтраке, устроенном итальянским королем, обменивался карточками с Чичериным. Такое поведение Синьори сделало весьма затруднительным положение Синсеро. Тогда Ватикан отозвал в Рим своего посланника и призвал мон-

синьора Синьори к более скромному поведению. А через несколько дней Пий XI двинулся к своей цели по другому пути.

В письме, адресованном кардиналу Гаспери, он выразил глубокое сожаление по поводу судьбы России и адресовал этой стране свидетельство своей симпатии и ободрения; затем он восхвалял союз между Россией и Западом, между победителями и побежденными, и утверждал, что только-де такой союз мог принести всему свету мир и процветание. Этот документ произвел большое впечатление в Женеве. Лойд-Джордж комментировал его перед журналистами, немецкие делегаты публично восхваляли этот демарш Пия XI, а итальянцы поздравляли себя с таким выступлением папы (апрель 1922 г.).

В первые дни мая в Женеву прибыл посланник Ватикана, монсиньор Пиццардо, заместитель по особым делам в государственном секретариате. Частные разговоры монсиньора Пиццардо с Чичериним в Женеве, и с Воровским в Риме, — привели к следующим результатам. Советское Правительство гарантировало свободу въезда и свободу передвижения на территории Союза определенному числу миссионеров, получивших от Ватикана задание на месте изучить средства оказания населению помощи продуктами, одеждой, медикаментами и т. д. И вот, 24 июля 1922 года из Рима отправились 11 миссионеров: три итальянца — в Москву, три иезуита — в Ростов, три голландца и два испанских отца — в Екатеринодар (Краснодар). Они должны были воздерживаться от всякой религиозной пропаганды и оказывать помощь всем нуждающимся, без различия религий. Жизненные припасы были уже заготовлены в Москве американским миссионером Волш, хорошо знавшим русские условия. Миссионеры привезли с собой миллион пакетов с надписями: «Русским детям от римского папы».

В день отъезда миссионеров папа Пий XI обратился ко всем епископам католического мира со следующим призывом. Он напоминал о благотворительной инициативе Венедикта XV, говорил о своих собственных демаршах на Женевской Конференции и призывал епископов собрать необходимые суммы для организации помощи России, объявив, что сам лично он жертвует два с половиной миллиона лир. Ватиканской типографией было напечатано на пяти языках сочинение, возвещавшее всему миру о бедствии русских детей и об усилиях Святого Престола для оказания им помощи. Везде была открыта подписка, которая была особенно плодотворной в США. Американский Сенат сам отозвался на призыв Ватикана.

С самого начала миссия развернула активную деятельность. Однако скоро выяснилось, что папская миссия стремилась воспользоваться своим пребыванием у нас для достижения целей, не имевших ничего общего с помощью голодающим. По этой причине Советское Правительство предложило ей в 1924 году покинуть страну. По этому же поводу папа Пий XI выступил 18 декабря 1924 года в секретной консистории и сказал, что, посылая в СССР свою миссию для оказания помощи голодающим, он не имел в виду благоприятствовать советскому строю, которому «он так мало сочувствует», что он всегда «считал своей обязанностью неоднократно и во всеуслышание» призывать к борьбе против нашей страны.

Во время Генуэзской Конференции папа Пий XI три раза выступал (7 и 29 апреля и 9 мая 1922 г.) с требованием открыть иезуитам доступ в СССР для миссионерских целей, т. е. для обращения русских православных в католичество. По мысли Пия XI центром миссионерской деятельности иезуитов должен был явиться Восточный Институт, учрежденный 25 октября 1917 года. В 1922 году Пий XI вверил его ордену иезуитов. Его теперешний ректор — французский иезуит о. Михаил д'Эрбиньи, прекрасный знаток славянского мира. Библиотека Института

является самой богатой в мире. Диплом этого Института требуется от всех кандидатов, посылаемых на работу в Восточной Конгрегации.

В 1924 году кардинал д'Эрбиньи выступил с обширным планом «наступления на Восток». По этому плану Ватикан озабочен прежде всего формированием для восточных церквей ревностного и образованного духовенства. Созданные для этого семинарии временно руководятся католическим духовенством. Они весьма многочисленны: греческий колледж в Риме, руководимый бенедиктинцами; семинария св. Анны в Иерусалиме, вверенная белым отцам Африканской миссии. Для поддержания морального уровня восточного духовенства Рим, не объявляя celibat обязательным, рекомендует все же отдавать предпочтение священникам celibatам. В учебных заведениях, руководимых католическим духовенством, учащимся постепенно прививается идея celibata. Совершенно запрещается миссионерам навязывать обращенным латинский обряд и униатам восточного обряда переходить к латинскому.

Наконец, папа Пий XI предполагал восстановить восточное монашество. Эту трудную работу он хотел поручить бенедиктинцам и в 1924 году обратился к ним по этому поводу с особым посланием. По замыслу папы, большие восточные монастыри, должным образом реформированные, призваны к тому, чтобы стать наиболее эффективным инструментом католического проникновения в массы. В этом замысле, как и во многих других, касавшихся объединения Церквей, огромная доля принадлежит униатскому митрополиту Андрею Шептицкому.

В августе 1924 года собрался большой конгресс в Моравии, около могилы св. Мефодия, чтобы изучить вопрос о сближении между Восточной и Западной Церквями. Папа делегировал туда своего пражского нунция, чехословацкое правительство — высокопоставленного чиновника по иностранным делам, а главные католические и православные общины Центральной Европы и Востока были представлены и духовными и светскими лицами. Наконец, несколько католиков, апостолов объединения, приехали из западных стран для участия в работах этого конгресса. Одно из положений, подлежавших обсуждению, касалось подчинения латинских миссионеров власти восточных католических епископов.

Наступление на Восток, главным образом на Русскую Православную Церковь, являлось для Пия XI самой заветной его мечтой. Для реализации своих планов он решил созвать вселенский собор. По его распоряжению, Комитет, подготовляющий мировую конференцию «веры и церковной конституции», должен был разработать особые анкеты и разослать их более чем 2.000 митрополитов, епископов и представителей восточных церквей.

Наконец, мы должны сказать, что в стремлении подчинить Русскую Православную Церковь папа Пий XI не пренебрегал и политическими комбинациями. Известно, например, что 2 февраля 1930 года он призвал западные народы к организации крестовых походов против нашей Родины. Надеясь на победу, он рассчитывал на широкие возможности для развития деятельности своих миссионеров. Только его ненавистью к России можно объяснить назначенные им на 19 марта 1930 года специальные молебствия о разгроме нашей страны.

Все эти факты свидетельствуют о такой вражде Бенедикта XV и Пия XI к Русской Православной Церкви, которая в истории папизма, кажется, не имеет и прецедента. Зато нынешний папа Пий XII уже превосходит их в этом отношении. Но об этом мы скажем в следующей нашей статье.

Архиепископ Гермоген

Из жизни наших епархий

Из Виленской епархии

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ДНИ В ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ гор. ВИЛЬНЮСА

23 февраля 1949 года, в день XXXI годовщины Советской Армии, в Виленском Святодуховском монастыре, храм которого имеет в местных условиях значение кафедрального собора, была отслужена Божественная Литургия, а по окончании ее торжественный благодарственный молебен с участием всего городского духовенства. Перед молебном Высокопреосвященный архиепископ Литовский и Виленский Фотий сказал слово о мощи и героизме советских вооруженных сил, о подвигах наших вождей и воинов в период Великой Отечественной войны, о битве за Сталинград и о взятии Берлина. Особо было отмечено в слове, что наша армия, освободившая целый ряд стран Европы, является фактором мира, а не войны.

Провозглашено было многолетие стране нашей, Верховному Вождю, победоносному воинству и Святейшему Патриарху. Собравшийся на богослужение народ тепло встретил слово о Советской Армии. Долго затем по окончании службы подходили молящиеся ко кресту.

25 февраля, в день тезоименитства Святейшего Патриарха Алексия, торжественную Литургию и молебен архиепископ Фотий служил, с участием городского духовенства, в Пречистенском кафедральном соборе гор. Вильнюса, имеющем придел в честь Святителя Алексия, Митрополита Московского.

Перед молебном архиепископ Фотий сказал слово, в котором отмечены были основные черты личности и характера Святейшего Патриарха: неизменная, с юношеских лет, любовь к народу и к Русской Церкви, пребывание с народом в дни Ленинградской блокады, широкая и плодотворная деятельность — внутренняя и внешняя — на патриаршем посту, осуществляемая с величайшим тактом, мудростью и спокойствием, на основе соборной церковности и подлинного Православия, скромность в личной жизни и покорность воле Божией, величая простота, приветливость и благопожелательность ко всем, наряду с исключительным образованием и широким кругозором. Слово Владыки было выслушано народом с напряженным и живым вниманием, отражавшимся на лицах слушателей. Видно было, что народ любит своего Патриарха и желает слышать и знать о нем как можно больше.

По окончании молебна было провозглашено многолетие Святейшему Патриарху.

День интронизации Святейшего Патриарха Алексия, 4 февраля, также был отмечен в Вильнюсе служением общегородского молебна в Святодуховском монастыре. Слово перед молебном, посвященное общей характеристике патриаршего служения Святейшего Алексия, ска-

зал бывший ректор Виленской Духовной Семинарии протоиерей Иосиф Дзинчковский.

Слово было дополнено архиепископом Фотием, коснувшимся вопроса о благоустройении русских заграничных приходов, осуществляемом по благословению и указаниям Святейшего Патриарха.

Несмотря на рабочие дни, на всех трех служениях присутствовало много народа, что имеет особенное значение в Литовской епархии, находящейся в окружении католичества.

Г. Н. Никитин

Из Красноярской епархии

ПОСЕЩЕНИЕ г. КРАСНОЯРСКА ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЫМ ВАРФОЛОМЕЕМ, АРХИЕПИСКОПОМ НОВОСИБИРСКИМ И БАРНАУЛЬСКИМ

18 февраля 1949 года в одиннадцатом часу ночи, прямо с поезда прибыл в Покровский кафедральный собор г. Красноярск архиепископ Новосибирский и Барнаульский Варфоломей. Не взирая на такой поздний час, встретить глубоко чтимого и любимого Владыку Варфоломея собралось громадное количество верующих. Растроганный Владыка сказал собравшимся, что он, не взирая на свои преклонные годы и частые поездки по делам Церкви и на Дальний Восток, и в Москву, решил приехать в Красноярск, чтобы разделить со своими духовными чадами любовь и радость встречи в молитвенном общении с ними и преподать им свое архипастырское благословение и наизидание.

С 18 по 22 февраля Владыка отслужил две всенощные, две Литургии, две великие вечерни с большими беседами, посетил Никольский храм на Никольском кладбище. Все церковные службы Владыка сопровождал прекрасными назидательными проповедями и двумя большими церковными беседами-поучениями. На всех архиерейских службах обширный Покровский кафедральный собор был переполнен молящимися.

22 февраля, после великой вечерни с акафистом святителю Иннокентию, тысячная толпа верующих со слезами благодарила Владыку за приезд, молитву и наставления. Растроганный до слез такой любовью верующих Владыка долго благословлял их. Благословив всех, Владыка с трудом мог выйти из храма, окруженный поющей, торжествующей и радостной толпой верующих.

Долго верующие красноярцы будут помнить этот радостный день молитвенного общения с глубоко чтимым и любимым Владыкой Варфоломеем.

Игумен Тихон

Из Кишиневско-Молдавской епархии

СЪЕЗД БЛАГОЧИННЫХ

Более четверти века Кишиневско-Молдавская епархия — одна из крупнейших в СССР — оставалась вне влияния Русской Православной Церкви. Благодаря этому отрыву, в сознании и быту известной части духовенства и мирян нашли место некоторые ненормальности и болезненные отклонения от духа Русской Церкви и христианского поведения. Поэтому Преосвященный Нектарий, который назначен временно управляющим епархией, ознакомившись с состоянием епархиальной жизни,

нашел необходимым созвать совещание оо. благочинных, своих помощников в деле управления и руководства епархией.

При открытии совещания от собравшихся была послана Святейшему Алексию телеграмма следующего содержания: «Собравшиеся на совещание благочинные Кишиневско-Молдавской епархии испрашивают благословения Вашего Святейшества на предстоящие труды и выражают сыновнюю любовь и преданность Родине и Вашему Святейшеству, Кириенарху Русской Православной Церкви».

Совещание открылось в Кишиневе 22 февраля 1949 г. В своей вступительной речи Преосвященный Нектарий поставил перед совещанием ясную задачу: преодолеть все болезни и нестроения в церковной жизни епархии, приобщив ее к согласной русской православной церковной семье в смысле строгого соблюдения канонов, уставности богослужений, разумного наставления верующих, а также бескорыстия и самоотверженного служения Родине и народу.

Понимая высоту и серьезность этой задачи, оо. благочинные усердно приступили к обсуждению всех сторон внутрицерковной жизни. В процессе обсуждения они мужественно вскрыли все нездоровые явления и непорядки церковно-приходской жизни и наметили ряд путей и средств к ее оздоровлению. При обсуждении финансового вопроса было обращено особое внимание на необходимость строгого и правильного учета денежных средств и имущества общин и вынесено решение об учреждении должности бухгалтера-ревизора.

Подводя итоги совещанию, Преосвященный Нектарий поблагодарил оо. благочинных за плодотворную работу и за выраженную ими готовность отдать все свои силы на благоустройство церковной жизни вверенной ему епархии.

Отвечая Владыке, один из старейших благочинных от лица всего духовенства выразил ему горячую благодарность за организацию совещания, плоды которого не замедлят благотворно отразиться на епархиальной жизни.

К концу совещания была получена телеграмма от Святейшего Патриарха: «Божие благословение совещанию благочинных, желаю им успеха в работах».

Отмечая это значительное событие в жизни Кишиневско-Молдавской епархии, пожелаем Преосвященному Нектарию и его ближайшим помощникам, оо. благочинным, полного успеха в их полезных и нужных усилиях.

**Настоятель храма св. Феодора Тирона
в Кишиневе, протоиерей С. Петров**

ПРАВИЛА ПРИЕМА УЧАЩИХСЯ В МОСКОВСКУЮ ДУХОВНУЮ СЕМИНАРИЮ

НА 1949/1950 УЧЕБНЫЙ ГОД

1. В 1-ый класс Духовной Семинарии принимаются лица, достигшие 18-летнего возраста и окончившие среднюю школу не ниже 7 классов или с соответствующим домашним образованием. Лица старше 50-летнего возраста в 1-й класс Семинарии не принимаются.

2. Поступающие в 1-й класс Духовной Семинарии подвергаются испытаниям в твердом и осмысленном знании наизусть молитв. Молитвы эти следующие:

А. Начальные: «Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе»,
«Царю Небесный»,
«Святый Боже»,
«Пресвятая Троице»,
«Отче наш»,
«Приидите, поклонимся».

Б. Утренние: «От сна восстав»,
«К Тебе, Владыко, Человеколюбче»,
«Боже, очисти мя грешного».

В. Вечерние: «Господи, Боже наш»,
«Боже вечный»,
«Вседержителю, Слово Отчее»,
«Господи, Царю Небесный, Утешителю».

Г. Божией Матери: «Богородице Дево, радуйся»,
«Достойно есть»,
«Взбранной Воеводе».

Утренняя и вечерняя молитвы Ангелу Хранителю, молитва св. Ефрема Сирина, молитва пред Св. Причащением, Символ веры, Заповеди св. пророка Моисея, Заповеди блаженства, тропари двенадцатым праздникам, тропарь своему святому и псалмы 50 и 90.

Кроме того требуется хорошо читать по-славянски и грамотно писать по-русски.

3. Желаящие поступить непосредственно в 3-й класс Духовной Семинарии должны иметь общеобразовательную подготовку не ниже 10 классов средней школы (или соответствующее домашнее образование) и выдержать испытание за первые два класса Духовной Семинарии по следующей программе: 1) Свящ. История Ветхого и Нового Завета,